

ДНЕВНИК ОФИЦЕРА

1858P
11.57
P. 35040

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ 1945

СОВЕТСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ
в
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

*Записки
и документы*

ДНЕВНИК ОФИЦЕРА

ПИСЬМА ЛЕЙТЕНАНТА НИКОЛАЯ ЧЕХОВИЧА
К МАТЕРИ И НЕВЕСТЕ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ 1945

*Обложка и титул
художника
М. ЭЛЬЦУФЕН*

Пачка писем... Листки, исписанные четким юношеским почерком. Они уже немного пожелтели от времени: последнее письмо написано полтора года назад. Того, кто писал эти письма, нет в живых. Он отдал свою молодую жизнь за Отечество.

Николай Чехович... В памяти тех, кто знал его, встает простой русский юноша с живым открытым лицом, отзывчивый товарищ, прямой человек, заботливый и требовательный командир. В письмах к самым близким людям — матери, Елене Семеновне Чехович, и любимой девушке, Шуре К., — раскрывается во всей полноте внутренний мир юноши, все богатство его души. Мысль его остра и пытлива — он любит жизнь и хочет проникнуть в смысл всех ее явлений; он мечтатель и в то же время человек действия, человек большой воли; он нежный, любящий сын и человек больших чувств; в трудную и суровую пору войны он находит свое счастье, но личные чувства у него не только не заслоняют, а, наоборот, усиливают высокое сознание воинского долга и солдатской чести. Цельная, благородная натура!

Часто мы задаемся вопросом: кто он, герой нашего времени? Прочтите письма Коли Чеховича. Вот это и есть подлинный герой нашего времени. Это о нем, о таких, как он, людях, великий Сталин сказал, что ими держится наше государство. Это они просто и мужественно в час

опасности встали стеной на врага, чтобы бороться и победить. Во имя этой победы Николай Чехович отдал самое дорогое — свою жизнь. В письмах продолжают жить его надежды, чувства и чаяния — все то, что волнует многие чужие сердца, что заставляет задумываться молодые горячие головы.

Несколько писем Николая Чеховича были напечатаны в газете «Комсомольская правда». Они вызвали живейший отклик. «Мы так же, как Николай, понимаем жизнь», «Мы так же, как он, на своем скромном посту служим любимой Родине» — вот о чем писали в редакцию молодые офицеры, солдаты, рабочие, колхозники. Они призывали молодежь учиться мудрости жизни у этого девятнадцатилетнего юноши — мудрости, которая приобретается чистым сердцем, живым, деятельным умом и безграничной любовью к людям и великой советской Родине.

Письма Николая Чеховича к его матери и невесте публикуются в этой книге : их разрешения.

ПИСЬМА Н. ЧЕХОВИЧА К МАТЕРИ

22 июля 1941 г.

Здравствуй, мама!

Нас погрузили в воинский эшелон и отправили до ст. Б., от которой прошли пешком 30 километров. Вместо тяжелой винтовки выдали легкие автоматы. Питание — с перебоями. Население встречает радушно, поит молоком, продает хлеб, сало,—что может. Живем на сеновале. Настроение хорошее, здоровье также. Скучаю по дому. Как там все поживают? Как мои друзья—соседские ребята, Боря и другие? Действует ли их электрический трамвай, который мы вместе смастерили? Кто-то им теперь будет делать змеев и строить корабли? Передай всем им мой привет и скажи, что я их не забываю. Мы в 100 километрах от Москвы.

27 июля 1941 г.

Сегодня был в Москве. Дома тебя не застал. Так обидно! Проехал 130 километров, конвоируя грузовик, запылится, как бес. Теперь буду дома нескоро. Пришли в письме свою фотокарточку. Все вещи у нас казенные: свои мы сдали на

склад. Получая вещи, не посчитай меня убитым. Единственно, что мешает мне покойно жить, — это мысль, что ты дома беспокоишься обо мне. Ничего плохого не случится. Пишу на грузовике во время остановок. Если ты мне напишешь, что перестала волноваться, я буду очень рад.

14 августа 1941 г.

Кочуем с места на место, сильно приблизились к фронту. Немцы летают так часто, что мы даже не объявляем тревогу. Ты боялась химической войны. Не бойся, нам выдали особые противогазы и накидки. Последний поход был на автомашинах, пешком итти трудно — тяжелая амуниция.

Наконец у нас установился твердый адрес. Я получил возможность наладить с тобой связь. Мы дали присягу. Теперь мы стали настоящими бойцами. Живем недалеко от г. К., в лесочке, где построили палатки. Наш взвод почти каждый день назначают в караул. Вся ночь разбивается на куски. Три-четыре часа сна, два часа дежурства. Хочется спать. Командование у нас прекрасное. С таким командованием можно итти хоть на край света.

Я и четыре товарища под начальством помкомроты разведывали место посадки самолета. По пути туда мы решили, что наш командир — зверь. Он угрожал оружием за малейшую ошибку. Но потом я был благодарен ему за это. Я понял, что в таких условиях каждая ошибка может быть роковой, а он учил нас не повторять их никогда в жизни. На обратном пути командир стал нам, как старый друг. Он рассказывал эпизоды из своей боевой практики, от-

вечал на наши вопросы, давал советы, шутил, собирал с нами ягоды. Вот какой оказался человек!

Десант, высаженный недалеко от нас, уничтожен. Пишу тебе из караульного помещения на обьеме автомата. Скоро итти. Надо поесть и поспать часок. Пиши, как там в Москве, как твое здоровье. Чуть не забыл — пришли журнальсв, книг любимых: очень хочется читать, а нечего.

31 августа 1941 г.

Вчера получил твою открытку, где ты пишешь, что эвакуировалась в Омск. Не знаю, лучше это или хуже.

Вчера наш «ястребок» ловко сбил воздушную «телегу» — немецкого разведчика. «Телега» села рядом с нами на опушке леса. Подали команду «в ружье», и мы бросились ловить удиравших летчиков. Немцы бросили сапоги и прочие тяжелые вещи, но все-таки мы их поймали. Двоим из них по 16 лет, а один — матерый волк. Молодые шли весело, а старший очень нервничал, все спрашивал, «что мне будет». Несмотря на мое плохое знание немецкого языка, я понял и некоторые другие его вопросы. Кабина самолета почти вся из небьющегося стекла. Пуля пробила кабину снизу и ранила летчика в голову. Ему сделали перевязку и заперли в амбаре.

2 сентября 1941 г.

Сейчас отдыхаю после ночной разведки. В нашем лесу масса белых грибов; каждый день их варим. Очень вкусно. Около сбитого самолета

та неизвестно кто пускает по ночам ракеты, и нам приходится вскакивать среди ночи прочесывать лес. Вся местность от фронта до Москвы—сплошная линия обороны, каждая деревня укреплена — окопы, рвы и прочие укрепления на каждом шагу. Врагу не видать Москвы!

3 сентября 1941 г.

Пишу в г. М. Завтра уезжаю обратно в часть.

На-днях, возвращаясь отсюда (я живу здесь наездами по три дня) с двумя товарищами, мы увидели спускавшегося на парашюте немца. Его сбил наш почтовый самолет. Летчика мы задержали. Отобрали оружие и документы и в подоспевшем автомобиле отвезли в штаб. Немец, видно, заслуженный—ордена до пояса. Это довольно любопытный случай: почтовый самолет сбил «ястреба». Другой «Мессершмитт» сел невдалеке за лесом и тоже был окружен нашими частями. Летчик, оставшийся в самолете, сильно расшибся.

Пиши о себе. Как ты доехала до Омска? Мне здесь хорошо. Теперь с боевыми заданиями стало не так скучно, как раньше. Немцы каждый день сбрасывают листовки. Агитируют. Население и боится немцев и не верит им. Листовки жгут.

У нас уже довольно холодно, по ночам морозит. Начали рыть землянки. С теплой одеждой несколько задерживают, так как капитан старается достать для нас все самое лучшее. Кончаю. Целую тысячу раз.

25 сентября 1941 г.

Пишу, сидя в хате. Мы уже вторые сутки живем здесь. Нас четверых под начальством Смирнова послали в разведку районного городка М. Дороги ужасные, а мы на велосипедах. Теперь уже привыкли: по грязи ездим, как по асфальту. На-днях командир послал меня с донесением в деревню за 40 км. К вечеру я через огороды подъехал к деревне. Спрыгнул с велосипеда, поставил его у ближайшей хаты и вышел на улицу. И что я вижу: немецкие танки и фрицы! Я моментально назад... ходу... Вскочил на своего стального коня и что было сил помчался. Фрицы заметили меня и закричали: «Рус, иди к нам, иди!» и стали стрелять из автоматов. Пули жужжали вокруг, как пчелы. Но все-таки удалось скрыться благодаря темноте.

Из нашей тройки я один только не получил посылки; обидней всего то, что ты из последних возможностей послала посылку, а она не дошла. Я жду ее, главное, из-за какого-то чувства близости к дому и к человеку, пославшему посылку. Это чувство испытываешь, когда приходят письма, а тем более посылка, где все напоминает о тебе, уложено твоими руками.

Мне досталась прекрасная лошадка—«Стрелка»: она спокойная и послушная. Летал я с нее только один раз, но ничего, уже привык ездить верхом.

ПИСЬМО ДРУГА Н. ЧЕХОВИЧА К ЕГО МАТЕРИ

Здравствуйте, дорогая Елена Семеновна!
Пишет вам Колин друг—Юра Азаров. Наша

Военно-медицинская академия прибыла в Киров. Спешу вам написать, так как не знаю Коляного адреса, а, как вы знаете, без Коли или хотя бы без переписки с ним я не представляю свою жизнь. Как мы свыклись, сдружились с ним! Когда он добровольцем уходил на фронт, вы не можете себе представить, сколько чувств подняло во мне это событие. Сразу явилась мысль: может быть, я не прав, что не бросаю учебу и не иду на фронт. Убедил себя только тем, что все равно буду там через некоторое время, но уже вооруженный специальными знаниями.

Стараюсь представить себе Колю на фронте. Уверен, что, несмотря на то, что ему только семнадцать лет, он там принесет много пользы с его умением все делать вдумчиво и толково. Я помню, как мы когда-то, еще совсем мальчишками, с завистью смотрели на обладателя парусной лодочки на нашем Останкинском пруду. Наконец Коля предложил самим сделать складную байдарку. И тут же, на песке пляжа, сделал рисунок. Для постройки такой лодки требовалось большое количество реек, и мы с утра до вечера пилили их небольшой одноручной пилочкой. Это очень усложняло работу. Тогда Коля соорудил в школьном физическом кабинете электрическую пилу. Фанеры у нас было в обрез, пришлось действовать по поговорке: «Семь раз примерь—один отрежь». Едва-едва нам ее хватило. Началась сборка и сцепка деталей; начали их очень тщательно подгонять, чтобы не было щелей. После этого мы промазали смолой швы и выкрасили масляной краской. Долго мы думали над тем, как сделать лодку складной, удобной для пере-

Коля Чехович со своей матерью Еленой Семеновной.
Снимок сделан в марте 1941 года.

носок. В конце концов мы сделали ее так, что в сложенном виде она походила на обыкновенный чемодан. Когда мы подходили к воде, то открывали эти чемоданы (мы сделали две лодки), нос вынимали из корпуса и привинчивали к корпусу болтом, свинчивали одну лодку с другой и рядышком ехали. Это было просто великолепно! Если бы не Колина изобретательность и умение все начатое доводить до конца, вряд ли бы мы добились таких результатов.

После этой работы мы занялись устройством телеграфа, а затем и телефона, чтобы нам поддерживать постоянную связь в те часы, когда мы должны были расходиться по домам. Сначала мы смастерили телеграф. Сигналы азбуки Морзе мы принимали на-слух или на неоновую лампу. Но телеграф нас не совсем удовлетворял, и

мы решили сделать телефон. После долгих неудач мы его устроили. Микрофоном и телефоном служили нам радионаушники. Усилителем служил радиоприемник.

Этот телефон имел один недостаток: у него не было звонка. Но с Колиной изобретательностью, преодолев ряд трудностей, мы звонок устроили.

Елена Семеновна, я вам пишу, и воспоминания все больше и больше охватывают меня. Сколько счастливых часов проводили мы с Колей в Политехническом музее; мы там знали каждый уголок, не пропускали ни одной лекции. Вы иногда спрашивали: где мы пропадем после школы? Мы бывали либо в музее, либо в физическом кабинете школы. А то заберемся в читальню и с упоением читаем. Коля особенно любил книги Джека Лондона, этого певца мужества, который, по Колиным словам, одинаково хорошо пишет как о комическом, так и о трагическом. Помню, мы много смеялись, читая его рассказ о собаке, которая везде находила героя, куда бы он ни скрывался. Рассказ «Межзвездный скиталец», где описывается история одного узника, научившегося пользоваться гипнозом и таким образом переноситься в лучший мир, покидая на время стены своей вонючей камеры, произвел на нас большое впечатление. Сначала мы пробовали загипнотизировать себя и друг друга, но потерпели неудачу. Тогда мы открыли том старой энциклопедии. И, в частности, нашли там следующее: если какое-нибудь животное заставить принять неестественное положение, то оно впадает в состояние гипноза. Например, курицу нужно посадить, а голову спустить вниз,

прижав клювом к полу; кошку следует держать на спине и т. д. Отправились мы в сарай, поймали соседскую курицу. Опыт наш удался. Курица, выдержанная в указанном положении, через некоторое время перестала биться и впала в состояние столбняка. Но когда мы решили повторить то же с кошкой, то... вскоре оба были покрыты царапинами. Все же в конце концов кошка успокоилась... как вдруг огромная собака Цыган, любимица Коли, спавшая под столом, громко зевнула... Кошка вырвалась из наших рук, заметалась по сараю и юркнула в первую попавшуюся щель.

Вообще Коля делал много опытов. Он постоянно вел метеонаблюдения и ежедневно отмечал кривую погоды. Он мне рассказывал, что сделал электризованную таблицу Менделеева, при помощи которой было очень легко запомнить все химические соединения элементов. Коля всем интересовался, все знал. Недаром же наши ребята прозвали его «профессор» и всегда обращались к нему за помощью. Но чем бы Коля ни увлекался в то время, он всегда стремился до конца и добросовестно выполнить то, что задумал. Если он что-нибудь делал, то делал это тщательно, обдумывая каждую деталь. Этого не было во мне. Если мне приходило в голову что-нибудь, то я, чтобы как можно скорее увидеть результат, старался завершить работу в тот же день. И поэтому часто терпел неудачу.

Однажды мы прочли, кажется в журнале «Техника—молодежи», об электрической пушке, построенной американцами. Мы загорелись желанием сделать модель такой пушки. Я в тот же

день на живую нитку скомбинировал пушку. Но когда я из нее выстрелил, то мой снаряд упал тут же около дула. У Коли работа подвигалась не так быстро. В один прекрасный день Коля явился ко мне и таинственно заявил: «Пойдем, я тебе что-то покажу». Я уже бросил думать о пушке, и велико было мое удивление, когда я увидел почти настоящую пушку на лафете, да еще стреляющую через всю 5-метровую комнату довольно толстыми гвоздями, от которых предварительно отпиливались шляпки. Через несколько дней Коля сделал маленький снарядик, и мы начали играть пушкой... в шахматы. Да, в шахматы! Вы удивляетесь? Сначала я получил три снаряда и старался сбить с его половины доски возможно большее количество фигур, а затем он повторял ту же операцию.

Все это были детские игры, забавы. Но только теперь я понимаю, как много они нам дали. Я благодарен Коле, что он привил мне такие черты, как терпеливость, настойчивость, аккуратность. Как они мне пригодились теперь, в нашем медицинском деле! А его любовь к природе и наблюдательность, которым он научил меня! Целыми часами, притаившись за деревом, мы следили за повадками птиц, наблюдали жизнь насекомых, растений. А наши походы с компасом и картой, наши прогулки на лыжах за много километров от дома!

Человек с такими чертами характера и способностями, как у Коли, повсюду окажется хозяином положения. Вы, верно, беспокоитесь, как он там, на фронте, когда кругом подстерегает опасность. Можете быть спокойны за Колю. Он даром не отдаст свою жизнь. Если уж он пошел

на фронт, то овладеет своей военной специальностью блестяще и будет бить врага по всем правилам военного искусства.

У меня к вам большая просьба: пришлите мне Колин адрес. Мне очень хочется наладить с ним переписку.

Остаюсь верным другом Коли

Юра Азаров.

ЩОБМА Н. ЧЕХОВИЧА К МАТЕРИ

8 октября 1941 г.

Добрый день, дорогая мама!

Пишу тебе из нашей московской квартиры. Как я попал сюда? Это довольно длинная история. Мы стояли в 40 километрах от фронта: я и трое моих товарищей были назначены делегатами связи в одну дивизию действующих частей. Однажды, когда я ехал со срочным донесением, дорогу мне преградил немецкий десант, соединившийся с фронтом и образовавший в этом месте прорыв. Я оказался отрезанным. Пришлось под пулями уходить вдоль железной дороги. К счастью, я вскоре попал в какую-то часть, где и остался. На другой день немцы нас окружили, и я вместе с другими бойцами весь день пролежал на опушке леса, отстреливаясь от превосходящих немецких сил. Ночью начали отход, шли весь следующий день. В одном месте нас снова настигли, и пришлось отбиваться. Меня немного оглушило взрывом гранаты, и я был отправлен в автомобиле дальше. К счастью, я скоро оправился. Когда машина остановилась, я уже был вполне здоров, только в ушах звенело.

Продолжая отход, я начал узнавать о нашей дивизии. Никто ничего не знал. Место, где она стояла, занято немцами. Штаб армии где-то глубоко в тылу, но его найти тоже не удалось. Немцы наседали. Начали отход вместе с эшелонами, но немцы бомбили пути и эшелоны. Больше шли пешком, чем ехали. С едой все время благополучно. В разбитых эшелонах и станциях ее можно найти вдоволь. Всего пешком прошел километров сто, теперь поеду в военкомат узнать о месте нахождения своей дивизии.

Целую крепко *Коля*.

9 октября 1941 г

Здравствуй, милая мама! Сегодня был в военкомате. Рассказал, как отбился от части. Мне приказано ехать в г. Малоярославец к коменданту. Я должен ехать уже сегодня, но не успею, выеду завтра утром. Очень хочется к тебе. Ты, наверное, беспокоишься. Вообще не знаю, что будет дальше, загадывать ничего невозможно.

Сегодня я в последний раз сплю дома, раздевшись, в теплой постели. Когда теперь снова я смогу так поспать? В бане не был около месяца. Пока кончаю. Целую.

Помнящий тебя каждую минуту *Коля*.

13 октября 1941 г

Мама! Еду к тебе! Можешь себе представить направили меня в Омское пехотное училище. Мне так хотелось попасть в артиллерийское училище, но ничего не попишешь. Утешает, что буду рядом с тобой. До скорого свидания.

Целую *Коля*.

ОМСКОЕ ПЕХОТНОЕ УЧИЛИЩЕ

6 января 1942 г.

Здравствуй, мама! Пишу после караула. Эти сутки спал всего час. Вечером сменился, лег спать. В три часа ночи тревога. Быстро вскакиваем, хватаем на ходу вещи и бежим куда-то по городу. Оказывается, загорелся госпиталь; помогали тушить пожар, спасать и охранять имущество. К счастью, загорелся четвертый этаж, так что жертв не было. Мама, вот когда я пожалел, что у меня валенки, а не сапоги. В здании было по щиколотку воды, валенки намокли, как губка, а потом пришлось стоять в них на морозе. Было совсем не весело. Но в общем ничего. Привези иголку, семечек (жареных), красных ниток поярче — вышивать знаки различия.

14 января 1942 г.

Последняя неделя была, кажется, самая трудная из всех. После пожара опять всю ночь не спали, были в бане. Лег в 4 часа, а в 5 часов подъем на стрельбища, до которых добрых 12 километров. Вернулись обратно только вечером. Полдороги бежали! Так каждый день: если не стрельбища, то занятия в поле.

Мама, ты не поверишь, как я закалился. Вчера со стрельбища я прибежал промокший насквозь; не только рубашка, но даже фуфайка была мокрая от пота. Сразу после этого разделись и в одних гимнастерках пошли на ужин, метров двести по плацу под ветром. И до сих пор ничего, нет даже насморка. Я и раньше не боялся простуды и презирал всякое кутание, теплые шубы и т. п. Но сейчас, мне кажется, ни-

какая стужа мне нипочем. Ты пишешь, мама, что тебе не с кем поделиться своими мыслями. Жаль, что наши свиданья такие непродолжительные. Я никогда не успеваю наговориться. Да и говоришь совсем не о том, о чем хотелось бы. И все же, если будут сильные морозы, то лучше воздержись от поездки. Не подрывай окончательно своего здоровья. Скорей бы кончалась война! Я каждый день с нетерпением жду сообщения Информбюро, так хочется поскорей услышать, какие еще нами взяты города, сколько еще истреблено гадов. А еще больше хочу скорее ехать самому бить их.

Зачеты еще не начались. Материала много. Нужно повторять и повторять. Вчера на стрельбище я не пропустил ни одной пули мимо цели. Получил благодарность перед строем роты от ксморты с занесением в личное дело.

Ну, кажется, написал обо всем, что тебя интересовало и чем хотелось поделиться с тобой.

3 августа 1942 г.

Здравствуй, мама!

Я жив, здоров. После похода совершенно отдохнул и готов пройти еще столько же. У нас сейчас проводятся регулярные занятия. Я особенно люблю лекции, которые проводят в прекрасных аудиториях. Нам уже выдали теплое белье и скоро выдадут теплую верхнюю одежду.

7 октября 1942 г.

Здоровье прекрасное, настроение тоже. Вчера стреляли. Я посадил все 3 пули в самый центр мишени и очень близко друг от друга, не более 1,5 сантиметра. Получил благодарность

комроты за отличную стрельбу. Если я дальше буду стрелять отлично, то буду отличным курсантом. Все остальные серьезные предметы, как топография, тактика, даются мне легко.

13 октября 1942 г.

Нам достались удачные казармы: внизу кухня, и все трубы проходят через наше помещение. Тепло всегда так, что обычно сплю без одеяла. У нас новый командир роты, а рота еще не приучена к строгой дисциплине и не поддерживает должного порядка. Мне как раз сегодня пришлось быть дежурным по роте и отвечать за все беспорядки. (И, как назло, кто-то у одного курсанта обменял сапоги ночью, оставил рваные.) В тумбочках напихана масса кульков, свертков, разных личных вещей. Не так заправлены койки, шинели. Недостаточно чиста лестница. Раньше все это сходило с рук. А сегодня новый командир роты дал мне здоровый нагоняй. Грозил «губой» (гауптвахтой). А ведь я все время был на лучшем счету. Обо мне писали в стенной газете, как об образцовом курсанте. Неужели сегодняшнее сведет все насмарку?

Завтра будем стрелять из пулемета. Интересно, какие будут мои результаты. Плохо у меня получается метание гранат: нет тренировки, и они летят недалеко.

15 октября 1942 г.

Добрый день, мама!

Сегодня я опять дежурный по роте. Прошлый раз все-таки все сошло хорошо. Дежурства для

меня — «нож острый». Особенно, когда придется заставлять мыть полы после отбоя. Вставать никому не хочется, а виновником этой неприятности каждый считает дежурного. Все-таки пол вымыли, хоть и с ворчанием.

Вчера был бросок на 3 километра. Никогда я не думал, что смогу пробежать это расстояние и тем более за 15 минут в полном вооружении. Запыхался порядочно, но добежал в указанное время. Учеба подвигается вперед, мы уже сдаем первый этап. Остается еще два этапа. Каждый из них значительно сложнее предыдущего и имеет больше лекционных занятий.

Как твоё хозяйство, как тыквы? Выросли ли? Каковы размеры чуньки (поросенка)? Привези семечек, жареных и покрупнее.

После того дежурства, о котором я писал, на меня нашла полоса бед. Во второе дежурство нехватило одной лопаты. Теперь не знаю, что будет, — в лучшем случае отведу материально, а то могут и на «губу» посадить. Это мне совсем не улыбается, так как тогда я буду смещен из командиров отделения и вообще репутация будет «подмочена». Эта полоса неудач немного пришибла меня. Сейчас у нас делается отчисление неподходящих курсантов, — их, вероятно, пошлют на фронт. Я бы подал заявление, чтобы меня добровольно отчислили. Удерживает меня от этого только сознание, что, получив больше знаний, я смогу принести большую пользу Родине.

Вчера мы собирали деньги на подарки бойцам РККА. Я отдал почти всю наличность. Сейчас у меня всего 20 рублей. Ты мне привези

рублей тридцать, чтобы у меня было полсотни «неприкосновенного запаса».

20 октября 1942 г.

Дорогая мама! Ты, наверное, удивляешься, что иногда я пишу письма каждый день. Это потому, что мне самому хочется получать их чаще, и потом, когда происходит какая-либо перемена в однообразной нашей жизни, мне хочется поделиться своими впечатлениями с тобой. Завтра мы идем в поход дня на 3—4. Сейчас пришли с тактики, прогулка была километров на 30. Но я почти не устал. А ведь раньше, пройдя каких-нибудь 20 километров со ст. Люблино, я лежал, «задравши ноги». Настроение хорошее, здоровье тоже. В походе у нас будут зачетные ученья. Обратно пойдем форсированным маршем, то есть шагом, бегом, шагом, бегом и т. д. Я энергично готовлюсь, не хочу отстать от других. Пойду достану гвоздей, надо прибить подкову, а то каблук здорово стирается и ноги устают.

26 октября 1942 г.

Здравствуй, мама! Вчера пришли с похода Ну-ну! Никогда в жизни я не был в худших бытовых условиях, даже на фронте. Вышли под проливным дождем часов в 7 утра. Дождь шел весь день до вечера. После ужина поднялся ветер, и хоть дождь прекратился, но лучше не стало. Промокшая одежда не грела. Бегать тоже было очень трудно, жуткая грязь. На полы шинели налипло ее целые пуды, на брюки выше сапог. Вырыл окопчик, всю ночь не сомкнул глаз от холода. Утром пошел мокрый снег, бегать стало еще хуже, шинель еще увеличи

лась в весе за счет грязи. Позавтракали. День прошел во всевозможных маневрах. К вечеру ударил мороз и поднялась пурга. Шинель стала, как из листового железа. Поужинав, я с удовольствием выпил кружки четыре горячего чаю. После ужина — опять в степь. Сильная пурга. Вырыл окопчик. Но в нем не усидишь. Часов до 4 утра просуществовал к счастью, в 4 часа пошли обратно. Как проскочили эти 30 километров, я и не заметил, ноги летели вперед сами. Пообедали, легли спать. Проспал 7 часов без просыпу, проснулся, когда разбудили на ужин. Поужинав, опять спать, и все-таки я не выспался, сегодня клюю носом. Такие прогулки — замечательная, но жестокая закалка. Интересно, как она мне сойдет; пока что здоров, если не считать небольшого насморка.

На первом привале, когда шли в поход, я был принят в комсомол, под дождем, в самых походных условиях.

Началась зима, на улице снег. В казарме стало как-то светло и празднично. Теперь поход будет не скоро и уже на лыжах. В остальном все хорошо. Моя «счастливая звезда» меня выносит из всех трудных положений.

11 ноября 1942 г.

Здравствуй, мамочка!

Нас переводят в лагерь. Не думай, что в палатки! Нет, в лагере, пожалуй, будем жить в лучших условиях. На занятия ходить ближе, лучше будет с почтой. А самое главное, кругом лагеря нет глухого забора, который в училище мне начинал действовать на нервы. Мама, я не знаю, как благодарить тебя за носки и перчат-

ки. Сейчас начались морозы, и я по-настоящему оценил их качество. Зима еще в самом начале, а уж Б. и другие отморозили уши. У Б. уши покрылись волдырями. Я удивляюсь: сибиряки — и отморозились. Хоть ребята и говорят, что я сам здорово сиңею, но уши у меня целы. Скорей бы снег, станем на лыжи. Мне надоело ходить пешком.

На торжественном заседании личного состава батальона по случаю XXV годовщины Октябрьской революции мне в числе нескольких других курсантов вынесли благодарность с занесением в личное дело от командира батальона за отличную боевую и политическую подготовку. Я получил бы благодарность и от начальника училища, но, к сожалению, успеваемость некоторых курсантов моего отделения не на высоте. Каким неожиданным был твой отъезд. До сих пор я каждый день ждал твоего приезда. Теперь ждать больше нечего. Мама, как я благодарен тебе за часы! Идут прекрасно.

14 ноября 1942 г.

Мама, мы уже переехали в лагерь. В моей комнате — 20 человек. Я — старший комнаты. Приятно после казармы пожить в такой комнате. Комната самая теплая во всем доме, печка занимает $\frac{1}{6}$ часть площади. Есть где посушить портянки. Правда, кубатура маловата, всего 31 метр, но зато тепло. Вчера нам выдали теплое обмундирование: стеганые брюки, куртку, валенки. Носки высушил и прибрал. Пригодятся на фронте. Сегодня первый раз совершенно не мерз на занятиях в поле. В общем я в тепле, и тебе беспокоиться не о чем. Иду в караул.

19 декабря 1942 г.

Здравствуй, мама! Прости, что со дня твоего отъезда так нескоро собрался написать: не было ни минуты свободного времени. Писать очень хотелось: мне так приятно делиться своими мыслями с тобой. Ведь, кроме тебя, у меня нет сейчас ни одного друга. С Юрой мы снова потеряли друг друга из виду. Конечно, я в хороших отношениях с нашими ребятами, но среди них нет ни одного такого склада характера, который подходит мне. Ты знаешь, какие у меня обычно друзья. Я, пожалуй, затрудняюсь описать, что именно мне нужно в друге. В общем — черты Юры Азарова: изобретательность, умение все делать самому, любовь к точным наукам, фантазия, немного юмора и еще какие-то мало заметные, но характерные черты, которые трудно уловить. Например, я очень ценю в человеке верность слову. Как сказано — должно быть сделано. Помнишь, бывало оговоримся мы с ребятами в поход, а утром им лень рано вставать. Я не признавал этого, и Юра всегда был со мной одного мнения. «Не хотите — не надо», говорили мы и отправлялись вдвоем.

Но самые лучшие друзья не могут тебя заменить. Когда ты в последний раз уходила, мне почему-то сделалось так тоскливо, как никогда в жизни. И эти дни я все время ощущаю какую-то внутреннюю пустоту, все время мне чего-то нехватает. Увижу ли я тебя еще? Береги себя. Ведь недалек тот час, когда гады будут уничтожены, и мы снова вернемся в Москву, к мирной, счастливой жизни. Большое спасибо за посылочку. Сухари и конфеты доел только вчера.

Совсем забыл, что скоро Новый год. Поздравляю с наступающим Новым годом. Что-то он нам принесет? Отвечаю на вопросы: часы идут прекрасно, правда, первое время останавливались, но оказалось, что внутри валялся какой-то винтик (я его сохранил), и он, попадая в колесики, останавливал часы.

30 декабря 1942 г.

Здравствуй, мама! Поздравляю тебя с наступившим Новым годом. Сейчас, когда я пишу это письмо, он еще не наступил, но читать ты будешь уже в 1943 году. Какими интересными, полными спешной подготовки были последние дни 1940—41 годов, а сейчас даже не чувствуется приближения Нового года. С грустью вспоминаю то счастливое время, когда мы еще и не предполагали войны. Помнишь, например, новогодний вечер: мы с тобой вдвоем в нашей квартире. В комнате тепло, ярко светит лампа над столом, покрытым белой скатертью и уставленным всевозможными вкусными вещами. По радио передают чудный новогодний концерт. Концерт кончился. Торжественно кремлевские куранты возвещают о наступлении Нового счастливого года.

Вспоминается тот год, который я встречал в школе. Елка сверкает сотнями разноцветных лампочек, играет радиолка, кружатся замаскированные пары, перевитые лентами серпантина, сыплется дождь конфетти, смех, говор. 12 часов — рукопожатия, поздравления, снимаются маски... Да, это была жизнь! И подумать только, что из-за кучки каких-то мерзавцев все это ушло в прошлое. Когда думаешь об этом, начи-

наешь ненавидеть самого себя за то, что находишься не на фронте и не бьешь фашистскую мразь.

2 января 1943 г.

Вот и наступил Новый год. Что-то он нам принесет хорошего? На фронте дела пошли хорошо. Может быть, 1943 год станет годом освобождения мира от ужасов фашизма.

Мама, Новый год я встречал так, как уж никогда не мог бы подумать. Встречал я его в бане. Я как раз натягивал штаны, когда те, кто стоял около электрических часов, закричали: «С Новым годом, товарищи!» Надо прямо сказать, не было в этом ничего торжественного. Зато 1 января все-таки было празднично. Подъем был в 9 часов, до 1 часа приводили себя в порядок, потом пошли в кино, смотрели прекрасный «Киноконцерт фронту».

Мама, береги себя, не волнуйся понапрасну. Я здоров. Крепко тебя целую.

3 февраля 1943 г.

Прости, мамочка, что стал реже писать. Сейчас, в связи с зачетами, трудно урвать свободную минуту.

Зачеты у меня идут хорошо, остался один предмет, но я его боюсь меньше всего. Самое трудное позади.

Какой чудный симфонический концерт слушал я сегодня ночью по радио! Мне вспомнилась наша квартирка, наш «СИ». Когда опять будет то время? Судя по нашим успехам на фронте, разгром немецкой сволочи — дело недалекого будущего. Небось, фрицам и не снилось, что им придется так спешно удирать.

Знаешь, у меня почти по всем предметам «отлично». Петя К. получил несколько «плохо». Его, как и других, сдавших на «плохо», отправили на фронт. Я им завидую. Нашей отправки я ожидаю дней через пятнадцать-двадцать.

Спим мы теперь больше, — считая с мертвым часом, 9 часов. На улице занимаемся редко. Вообще сейчас стало значительно легче.

Мама, я просто прихожу в ужас от того, как ты живешь. Ты колешь дрова? И притом плохое питание? Знаешь, мама, когда я ем прекрасный белый хлеб с маслом и думаю, что ты в это время, может быть, ешь черный, горький хлеб и картошку, кусок останавливается у меня в горле. Проклятые фашисты, я никак не дождусь окончательного их разгрома! Пиши мне подробнее, как ты там живешь. Ты пишешь, что колхозники часто вспоминают меня. Кто им теперь чинит часы, швейные машины, патефоны и пр.? За то время, что я пробыл с тобой, кажется, все у меня перебивали. Особенно всех удивляло, что я не брал денег за работу. Часто я вспоминаю нашу жизнь с тобой. Как там ребяташки? Они мне обещали, что и будущим летом будут вылавливать мышей и сусликов, как я их учил.

26 февраля 1943 г.

Здравствуй, мамочка!

До начала выпускных экзаменов остаются считанные дни. Несмотря на хорошую учебу, я их боюсь. Успокаиваю себя тем, что предыдущих зачетов я боялся не меньше, а сдал, и ни одной отметки ниже «хорошо». На-днях получил письмо от Раи. У нее большое несчастье: пропал

без вести отец. Мне его жаль: он был хороший человек, мы с ним часто беседовали, и я его хорошо знал. Много бед наделала эта война. Мне так хочется скорее ехать на фронт, бить проклятых фрицев. Хорошо хоть, опять известия с фронта хорошие.

Ты пишешь, что была бы счастлива, если бы я приехал хоть на один день. А я бы как был счастлив! Но, к сожалению, это невозможно. Твои опасения насчет трудностей пути — ерунда. Если бы отпустили, то я максимум через 10—11 часов был бы дома. В крайнем случае, дошел бы прекрасно пешком. Я привык ходить по 50 километров — это самое большее 10 часов ходьбы.

Мама, все мои вещи продавай, они мне больше не понадобятся. Если я после войны останусь жив и здоров, то еще лет пять, самое малое, прослужу в армии. Если меня ранят, то форма все равно останется, а при легком ранении вообще буду работать на военной службе в тылу. При третьем варианте — если убьют — одежда, пожалуй, не понадобится. Так что продай все. Мне важно, лишь бы ты была здорова.

8 марта 1943 г.

Здравствуй, мама! Получил телеграмму, что ты была больна, а писем от тебя не получаю недели две. Что же вы мне сразу не телеграфировали? Тогда мне еще было возможно приехать, а теперь даже после экзаменов не знаю, получу ли увольнительную. Много будет зависеть, как я сдам экзамены. По двум предметам, которых я больше всего боялся, уже сдал на «хорошо». Надеюсь, что по остальным сдам

тоже, и все-таки я не уверен, отпустят ли. Мне так хочется съездить повидать тебя. Я не могу спокойно сидеть на месте, зная, что ты в это время лежишь больная. А сидеть придется долгих 6—7 дней, самое малое. Все мои мысли около тебя. Получи я «пос.» или «плохо», я не смогу уж наверняка поехать к тебе. Поэтому заставляю себя думать о сдаваемом предмете. Сам я, как обычно, жив и здоров. Крепко целую.

Твой любящий сын *Коля*.

13 марта 1943 г.

Мамочка! Экзамены были трудные, но прошли успешно. Телеграмму получил. Написал рапорт, приложил телеграмму к нему. Сегодня справлялся о результате. Очень хочется повидаться с тобой, но, к сожалению, это почти несбыточная мечта: мало вероятно, что меня отпустят. А тебе приезжать тоже ни в коем случае нельзя: окончательно подорвешь свое здоровье. Теперь жду, когда нам будут присваивать звание. С моими отметками, аттестацией и автобиографией могу быть уверен — получу звание лейтенанта, но все-таки как-то волнуешься. Мама, хорошо, что ты успокоила меня своим письмом.

Насчет отправки ничего определенного не могу сказать. В ближайшую неделю не отправят. А дальше... могут отправить каждый день, а могут продержат и с $\frac{1}{2}$ месяца. Денег мне не нужно: у меня есть 120 рублей. Если у меня будет возможность, я буду помогать тебе материально. Почему я говорю, «если у меня будет возможность»: пока что я ведь ничего не знаю,

какое звание, какую должность дадут. Мы в караул больше не ходим. Хорошо все-таки, что я младший командир: за все время мне ни разу не пришлось стоять на посту. Всегда я был начальником караула, разводящим или дежурным. Не люблю стоять на посту еще с ополчения: скучно 2 часа стоять в бездействии.

22 марта 1943 г.

Здравствуй, мама, с горячим приветом Коля. Мама, наконец наступил день, которого я ждал 7 месяцев. Позавчера мне было присвоено звание лейтенанта. Хотел написать тебе в тот же день, но поднялась такая кутерьма, что ни в тот день, ни в следующий написать тебе не мог. Даже в ту ночь не пришлось спать ни минуты. Получали снаряжение, обмундирование, подгоняли его. Кроме того, были разные построения. Сегодня все хлопоты окончены, ждем отправки. Разрешили свидания, даже отвели специальное помещение. Вот, если бы ты случайно приехала!

19 марта была у меня Киса, принесла от тебя посылочку, которая пришла так, как будто бы это твое поздравление по случаю окончания училища. Приятно чувствовать твою заботу. Обмундирование нам выдали хорошее. Спасибо тебе, что научила меня более или менее прилично шить. Я хорошо подогнал свое обмундирование, перешил, где нужно, пуговицы, крючки, заметал кое-где петли; да и погоны пришивать, оказывается нужно много сноровки. Деньгами я обеспечен, нам выдали.

Мама, мне как-то не верится, что я лейтенант. Как я буду руководить моим подразделением? Ведь у меня будут бойцы, многие из ко-

торых годятся мне в отцы, а я буду их учить (это еще ничего), воспитывать, поощрять отличившихся и наказывать нерадивых. Это кажется невероятно. Трудно мне будет, особенно первое время, держать подразделение в руках. Во мне не воспитывали привычку руководить людьми, я больше привык, чтобы мною руководили. Учить я могу, но руководить трудно. За знания я не беспокоюсь, они у меня есть, но руководство дается мне труднее.

Правда, был у меня один опыт. Я имею в виду мою поездку с эшеленом продуктов из Омска в Москву. Помнишь тогда, когда в училище еще не начались занятия и я был у тебя на отдыхе? Я тогда волновался не меньше, чем сейчас. Мне казалось прямо-таки страшным: в моем распоряжении и на моей ответственности целый эшелон и 12 женщин охраны. Ох, и нелегко далась мне эта поездка! Эти женщины взяли с собой продуктов на 4—5 дней, а ехали мы больше месяца. Когда стало голодно, они предложили питаться продуктами из эшелона. Вот так-так! Мы везем москвичам питание и сами его будем есть. Я этого не мог разрешить. Ходил иногда за 10—15 километров за хлебом для моей женской команды. Причем были среди них такие, которые отказывались идти вместе со мной за хлебом, когда была их очередь. Я решил на их долю хлеба не брать. И выдерживал характер, хоть и было трудно. После этого они больше не отказывались. Вообще приходилось быть строгим. Зато все довели в целости и сохранности. Я думал, что моя команда меня возненавидит, а она, наоборот, стала со мной во всем советоваться, будто мне

не семнадцать, а по крайней мере — тридцать лет. Я вспомнил об этом случае в моей жизни, хотя он мало похож на работу командира в армии. Во многом самому придется перевоспитывать себя.

Командир должен быть твердым в своем решении и, отдав приказание, должен добиться его выполнения, хотя бы подчиненному и не хотелось его выполнять. Сумею ли я быть таким? Но я должен стать командиром настоящим, волевым. Это нужно для защиты Родины. Родина приказывает, и я выполняю ее приказ.

6 апреля 1943 г.

Родная мама! Вот уже мы под Свердловском. Никогда я не думал, что мы поедем по такому странному маршруту. Как хорошо, что ты приехала в Омск проститься. Уехали мы из Омска утром. Ты бы могла еще успеть притти провожать, но хорошо, что мы договорились не приходить. На людях не простишься так, как хочется.

14 апреля 1943 г.

К сожалению, в Москву мы не попали. Повернули на север. Сейчас стоим на разъезде. Кругом сосновые леса, погуляли замечательно. Снег уже сошел. Птицы поют. Погода прекрасная, солнечная. Через лес проходит узкоколейная дорога. Катались на вагонетках, бродили по лесу, пели песни. Варили на костре концентраты. В общем провели время, как на даче. Несмотря на близость фронта, дорогу фрицы не бомбят. Говорят, им здорово «накрутила хвост» наша авиация. Настроение прекрасное, здоровье

тоже. Каждое утро на разъезде раздеваемся до пояса и бежим к какому-нибудь ручью мыться. Утренний морозец приятно бодрит.

20 апреля 1913 г.

Здравствуй, мамочка! Наконец-то я получил адрес. Высадились, пошли, шли ночью километров 20. Грязь жуткая, сапоги подчас приходилось держать за уши, чтобы не свалились. Пришли в деревушку. Выбрали домище поцелее, оборудовали и зажили на славу. Прожили два дня. Пошло расформирование по частям. Как жаль расставаться с товарищами, с которыми провел вместе столько времени! Сегодня спали в землянке, близ передовой. Днем пойдем на передний край обороны, в дзоты. Настроение и самочувствие прекрасное. Особенно сейчас, когда прекрасная погода, и природа здесь чудная. Сосновые леса, березняк. Вообще красиво. Жаль только, что местность болотистая.

Мы проходим разрушенные немцами деревни. Горько смотреть на это разорение. От некоторых деревень остались только надписи, даже развалин не видно: перемешаны в одну массу с землей. Какая ненависть кипит в сердце, когда бродишь в развалинах деревень! Люди жили, были счастливы. Во всех уцелевших хатах видна хозяйственность, культура. А теперь из-за проклятых гадов все разорено.

Что будет дальше, напишу. Бояться нечего. Правильно говорят: «Если придет смерть, то и на печке дома достанет, а нет, так и в самом пекле жив останешься».

Целую крепко.

2 мая 1943 г.

Добрый день, мамочка!

Ночами или дежури́м, или строим различные сооружения. За это время я изучил повадки фрицев. Днем они почти не стреляют, можно свободно ходить, но не группами, а в одиночку, иначе немцы бьют из минометов. Ночью, наоборот, открывают отчаянную «страховую» стрельбу из пулеметов и винтовок, не целясь, просто по площади рассыпают пули — и все. Боятся наших разведчиков, которые часто таскают у них солдат. Неприятно ходить ночью: уж очень глупо погибнуть от этих дурацких шальных пуль. Интересно сравнивать поведение наших бойцов — славян (так здесь мы себя называем) — и фрицев. Фриц, если вылезет наверх, то пригнетса и бежит, как шальной. Славянин идет спокойно, как у себя в деревне на улице. Немцы придумали очень подлую «штуку». Чтобы не рисковать своей «благородной» шкурой, заставляют женщин из захваченной ими местности подносить на передовую пищу. Я никак не дождусь момента, когда смогу принять более деятельное участие в истреблении фашистских гадов.

Поздравляю тебя с 1 Мая. Этот день мы встречали особенно в напряженной обстановке. Ожидали от фрицев какой-нибудь пакости, но все обошлось благополучно. Для предотвращения всяких попыток фрицев нам напакостить на вахту в эти дни встали лучшие наши люди. Я сейчас дежурю в дзоте, всего в 100—150 метрах от дзотов немцев. Фрицы здорово трусят, стреляют очень мало, особенно днем.

В первом часу ночи я с удовольствием вы-

пустил подряд два диска по видневшимся вспышкам немецких выстрелов. Жаль, что у меня нет снайперской винтовки! Это интересная охота. Наши снайперы ежедневно убивают несколько зверей. Место, где я сейчас живу, хорошее, сухое, песок, сосновый лес (бывший, а сейчас одни обломки), болото осталось позади.

Целую крепко.

4 мая 1943 г.

Здравствуй, мамочка! Я жив и здоров. Сегодня замечательная погода, весь день солнце. Войны как будто и нет: так тихо. Лишь изредка пролетит несколько мин или застрочит пулемет (видно, пробуют после чистки), и опять тишина. Так и хочется вылезти из окопа, походить по траве или полежать на горячем песке, на бруствере. В небе иногда пролетают самолеты. По немецким палят наши зенитки, и мы из пулеметов; по нашим — палят немцы. Небо такое ясное, что на редких облачках, лежащих против солнца, видны воздушные волны от разрывов снарядов. Это явление я наблюдаю первый раз в жизни. Волны видны даже на расстоянии до километра от места взрыва.

Траншей у нас глубокие и сухие. Это здесь редкость. Я, так сказать, живу на курорте. Скука смертная. Ходить по траншеям надоело: все уже изучил. Я исправил все виды оружия: попадается много неисправного; заставил своих ребят все перечистить, — что не умеют, чищу сам. Хочу освоить немецкую магнитную мину, — их много валяется перед окопами. Но они все заряжены, и я не знаю, как к ним приступить. А «не зная броду, не суйся в воду» —

говорит русская пословица. Решил не трогать, пока какой-либо знающий человек не покажет.

Опасности я подвергаюсь очень редко. Сейчас ранение или смерть — дело чистой случайности или неосторожности. А я человек осторожный. Никакое ухарство и показное бесстрашие здесь не поощряется, а наоборот. Одно дело — погибнуть в бою, — это почетно, и совсем другое — погибнуть от шальной пули или мины по глупости.

Настроение у меня самое жизнерадостное. Тем более, что я наконец, кажется, обрел постоянное место и должность. Последние дни я работал наблюдателем. Вот интересная и в то же время скучная работа. Скучная, когда ничего часами не появляется в поле зрения, и интересная, когда удается что-либо проследить. Я уже успел изучить, когда фрицы идут за обедом и ужином, когда идут обратно, кто в какой дзот несет еду, и т. п. Последний раз я заметил, что около одного дзота, в котловине, фрицы устроились делить еду. Я бегом к минометчикам. «Помогите, — говорю, — фрицам поделиться». Минуты через три было прекрасно видно, как около дзота стали рваться мины, как, побросав все, полезли фрицы в дзот и как под конец взлетели на воздух термосы.

Почти перед самым отходом наш наблюдательный пункт здорово обстреляли из тяжелых минометов. Как они его заметили? Наверное, по блеску бинокля. Я лежал в щели, слушал вой и разрывы мин и думал: какая же угодит в меня? Все обошлось благополучно, если не считать, что меня здорово завалило песком. Но это

ерунда, вчера помылся в бане, постригся, привел себя в порядок. Целую тысячу раз.

15 мая 1943 г.

За последние дни произошло много событий. Несколько раз приходилось ходить на передовую. Особенно запомнилось 10 мая. Немцы решили перейти в наступление. В 4 часа началась артиллерийская подготовка. Заработали «ишаки» (шестиствольные минометы), артиллерия, — зрелище потрясающее. Но секунды через 3—4 началось такое, чего мне до сих пор не приходилось видеть. Стали отвечать наши «катюши», «ванюши», минометы, артиллерия и подняли у немцев такой кавардак, что казалось, вся земля встала дыбом. Я был вне зоны огня, километрах в трех, и то грохот стоял такой, что ушам было больно. Ну и всыпали немцам! Одного «ишака» сразу угробили, а другого заставили замолчать и перебраться на другое место. Немецкий огонь быстро ослабел, а когда для полноты картины вылетели наши самолеты и подняли у них все на воздух, то и вовсе замолк.

После этого несколько дней стояла полная тишина. Фрицы никак не могли очухаться. Как радостно смотреть, когда наша берет! Когда налетели самолеты, сколько было криков радости! Вверх полетели пилотки. Это было замечательное зрелище.

22 мая 1943 г.

Здравствуй, мама! Я жив и здоров, нахожусь на передовой. Жизнь течет однообразно. Незаметно пролетел май. Я с удивлением подсчитал, что нахожусь здесь уже месяц. В на-

стоящее время я занимаю должность «командира штурмовой группы». Народ у меня замечательный. С такими бойцами одно удовольствие идти в бой, штурмовать немецкие дзоты. Я вспоминаю свои опасения в училище: как я буду командовать людьми. Но это люди, несмотря на разницу в возрасте и развитии, живут одной общей идеей, которой живу и я: разбить врага во что бы то ни стало. Поэтому и дисциплина и готовность к преодолению любой трудности замечательные. В бою чувствую, что мы все сливаемся в одну общую силу, которую мне надо только слегка направлять, — бойцы уже угадывают мою мысль и делают то, что надо.

Как быстро привыкаешь к жизни на передовой! Сейчас все стало обычным: и постоянный свист пуль, и минометный обстрел, и даже скрип «катюши» и немецкого «ишака». Вчера я устроился пить чай в котлованчике, и, как назло, немец стал бить по этому месту. Наблюдая за разрывами и пригибаясь от осколков, я все-таки допил чай и успел укрыться в блиндаж до того, как немцы угодили в котлован.

Ночами любимемся фейерверками. Они не хуже, чем были в парке по выходным дням. Разноцветные ракеты, фонтаны трассирующих пуль, огневые клубки, вылетающие при стрельбе «катюши», скрытой где-то за темным горизонтом, и громадные снопы огненных брызг на месте разрывов ее снарядов — все это вместе — замечательно красивое зрелище.

Часто наблюдаю немецкие позиции в стереотрубу. Интересное занятие. Только, когда видишь фрица в трубу и он кажется рядом, злишься, что ничего не можешь ему сделать. Ведь

вот прямо рядом идет, пригнувшись, рыжий немец, а посмотришь без трубы, его не видно. Только и жду приказа наступать. Лишь бы меня не убило по дороге до немецких окопов. Хочется схватиться с ними, убить как можно больше, тогда не страшно, если убьют и самого. Все мои бойцы тоже горят желанием итти на штурм немецких дзотов как можно скорее.

28 мая 1943 г.

Здравствуй, мама! Вчера получил сразу три твоих письма. Большое спасибо, что часто пишешь. Письма очень скрашивают однообразие военной жизни. Твои письма очень интересны. Читаешь, и живо вспоминается жизнь дома.

Нахожусь я не на самом передовом краю, а метрах в 500 от него. Живу в довольно приличной землянке, бывшей фрицевой. Опасно бывает только во время ночной работы. Немцы всю ночь ведут огонь из пулеметов и могут случайно попасть. У меня уже ранило так одного бойца, к счастью, легко, в руку. Но ничего не поделаешь. Здесь укрыться некуда, люди работают в полный рост; так что думаешь: повезет тебе сегодня или нет, все пролетят мимо или какая заденет. Самое неприятное — минометный обстрел. Хоть и знаешь, что, пока мина прямо в твою ямку или траншею не угодит, тебе ничего не будет, а все-таки, когда мины с воем приближаются, сердце малость замирает. Старые вояки, которые по два года уже на фронте, говорят, что чувствуют то же самое; от этого чувства, видно, никогда не избавишься.

Сегодня к нам перебежали два француза, очень веселые молодые ребята. Рассказывают,

что по тотальной мобилизации всех способных воевать даже из оккупированной Франции и то гонят на фронт. Таких «добровольцев» приводят на призывной пункт со связанными руками. Многие французы стараются перебежать к нам, только боятся. На каждых четырех французов ставят одного немца, он и следит за ними. Кроме того, вся нейтральная зона минирована. Пойдем в наступление, тогда много перебежит к нам.

Очень интересно наблюдать работу «катюш». Весело они рычат и красивые фейерверки устраивают у немцев. Боятся немцы их ужасно. Как зарычит «катюша», все затихает, ни одного выстрела. Так и кажется, что они засунули головы в ниши и сидят — не дышат. У немцев тоже есть «ишак», действием похожий на «катюшу», только звук противнее: «катюша» жужжит весело, и один скрип быстро следует за другим, и при каждом скрипе вылетает клубок огня, превращающийся в гаснущую на лету искорку. «Ишак» скрипит гадко, «тошным» голосом, напоминающим крик осла. Но разрушительная сила «катюши» больше. У нас валялось несколько снарядов от «ишака». Кто-то догадался пробить в одном дырку. Оказалось в нем литров двадцать горючего, вроде керосина; теперь все ходят набирать его для коптилок.

30 мая 1943 г.

Здравствуй, мама! Как переменчива военная жизнь! Только позавчера писал тебе, что жизнь стала однообразной, вошла в свою колею, а сегодня уже пишу из другого места. Живем в бывших фрицевских землянках. Они здесь со-

бирались долго жить, землянки замечательно оборудованы. В некоторых даже остались кровати, матрацы, подушки. Но я предпочитаю простые нары и хвою. Первую ночь сегодня за все время спал разувшись. Местность здесь красивая. Мы на песчаном бугре в сосновом бору. Погода сегодня солнечная, но с озера дует ледяной ветер.

Прости, что долго не писал, совершенно нет времени. На отдыхе еще труднее выбрать свободное время, чем на передовой. Уже трое суток сплю не более 3—4 часов. Занятия, составление конспектов, инструктаж и тому подобные процедуры занимают все время. Подъем в 3 часа, а ложишься всегда в 10 часов: обязательно что-либо задержит. Вообще в этом отношении командиру достается больше, чем бойцу. Но я не унываю. Самый неприятный момент—подъем, а потом ни разу и не вспомнишь про сон. Обучать бойцов я очень люблю, народ у меня хороший. Приятно видеть, когда человек старается, и еще приятнее, когда замечаешь, что занятия твои приносят пользу, заставляют людей думать. Здоровье у меня прекрасное.

Работаем на постройке дороги. Место сухое, все сплошь поросшее молодыми березками и сосенками. Я сижу на коробке дисков от пулемета. Справа от меня шалаш из плащ-палаток, в нем живу я со своими младшими командирами. Погода сегодня чудесная, солнечная. Птицы так и заливаются в кустах. Артиллерийская стрельба доносится редко; ее уж и не замечаешь. Младший комсостав у меня замечательный. Помощник командира взвода — моряк-сверхсрочник, рослый веселый парень. Командиры отде-

лений тоже как на подбор, все фронтовики, имеющие по нескольку ранений. С таким составом не пропадешь. Рядовой состав тоже неплохой. Большинство нацменов, народ все молодой, толковый, сообразительный. Работы у меня хватает. Теперь на командиров взводов, кроме боевой подготовки, возложена обязанность политруков. Политбеседы для меня — «нож острый». Прочитать и разъяснить какой-либо приказ или статью я могу прекрасно. Но составить конспект и провести 2-часовую беседу — это у меня не выходит. Какой бы подробный конспект ни составил, растянуть беседу хотя бы на час никак не могу. Может быть, в дальнейшем научусь, но пока я лучше бы провел 10 часов тактики, чем 2 часа политических занятий.

Вчера для меня был замечательный день. Окончив работу, я только что успел построить взвод, как подъехала машина и из нее вышел командующий нашей армией. Надо сказать, что мне первый раз в жизни пришлось докладывать командиру с таким высоким званием. Я хотя немного и растерялся и, как говорили потом бойцы, переменялся в лице, но подошел и доложил по всем правилам. Ему, видимо, понравилось, тем более, что командир другого взвода, докладывавший до меня, растерялся, перепутал звание, и генерал прошел мимо, как будто не заметив его. Со мной он поздоровался за руку и отметил в разговоре с командиром батальона.

Сегодня, вспоминая доброе старое время, съел 300 граммов хороших шоколадных конфет. Я записался в список некурящих и каждый месяц получаю 300 граммов шоколада. Вообще кормят нас хорошо, только последнее время ста-

ли давать сахар сразу на пять дней, а я его уничтожаю, в лучшем случае, в три дня или раньше.

За эти дни я здорово загорел. Вернее, загорело лицо, самому загорать некогда. Только снимешь гимнастерку, как обязательно загорянет какое-либо начальство.

Еще одно важное у меня дело. Наш парторг предложил мне вступить в кандидаты ВКП(б). Я хочу подождать до первого серьезного боя. Как я буду вести себя, как буду управлять взводом? Исходя из этого, я решу, достоин ли я быть кандидатом партии. Рекомендации мне дают. Получаешь ли по аттестату? Я подписался на заем на месячную зарплату.

Целую крепко.

15 июня 1943 г.

Здравствуй, мама! Спасибо, что часто пишешь. Большая радость получать твои письма.

Для собственного удовольствия взялся руководить подрывными работами. На нашем участке было очень много валунов, пней и т. п. Ты знаешь, как я люблю это дело. Еще в училище я много занимался с инженером по этому вопросу в свободное время; а здесь мои знания оченьгодились. Первые дни, когда не было саперов, вся работа держалась на мне одном. Приходилось все делать самому, иногда вплоть до подрывки канала для заряда, — ведь и эта, казалось бы, пустячная работа требует умения. Зато как приятно видеть, когда по твоей воле взлетают на воздух громадные глыбы гранита или пни столетних деревьев!

Вчера вечером проходил мимо какой-то зем-

лянки. Там играл патефон. Пластинки знакомые. Не мог удержаться, чтобы не остановиться, не послушать. Много случаев из прежней нашей жизни промелькнуло передо мной, пока я слушал эти чудесные мотивы. Сколько различных чувств закипело в сердце и больше всего ненависти к гадам, разбившим нашу счастливую жизнь!

Мама, я понемногу стал привыкать к политическим занятиям. Еще с полмесяца, с месяц работы, и я смогу проводить беседы, как заправский политрук. Мне представлялась возможность уйти из роты в резерв, погулять еще с месяц, но я отказался по двум причинам: не хотелось расставаться с людьми (быстро привыкаешь к своему взводу) и не хотел опять менять адрес. Перемена в адресах — перебой в письмах не меньше чем на месяц.

Я доволен, что ты хочешь ехать в Москву, — это будет лучше и для тебя и для меня. Деньгами я обеспечу тебя смогу. Письма будут ходить быстрее.

Прости, что на письме моем получилась размазня: пишу в дождь. Дождь сегодня сильный, вся землянка течет. Неприятная штука дождь. Если бы не плащ-палатка, то хоть погибай. Плащ-палатка — замечательное изобретение. Когда она сухая и сложенная, она занимает очень мало места, ее можно засунуть в карман. Из одной плащ-палатки получается шалашик на двух человек, из двух — на шесть-семь. Если нужно куда-нибудь идти, то застегни только несколько пуговиц и завяжи шнурки, и она превратится в удобный плащ.

Сегодня пристреливал свой автомат. Бьет точ

но. Глаз не изменяет мне, как и в училище: ни одна пуля не идет мимо мишени. Иногда я жалею, что я командир, а не рядовой. С моими знаниями я давно бы был радистом или попал бы в артиллерию. Но такое желание бывает редко. Я знаю, что больше пользы принесу Родине, находясь на той должности, которую занимаю.

3 июля 1943 г.

...Через день хожу на занятия, составляю конспекты. Их проверяют серьезные лица, а мне не хочется ударить лицом в грязь. В общем дела идут прекрасно. Даже с политзанятиями я почти примирился. Чувствую, что занятия проводить становится все легче и легче.

Батальонный парторг доволен моими занятиями, считает меня одним из лучших групповодов. Мне, конечно, приятно, но не в этом суть: разъясняя тот или иной политический вопрос, я так увлекаюсь, что откуда только слова берутся. На память приходит много примеров. Бойцы слушают внимательно и задают множество вопросов. После занятий у нас нередко заходят разговоры «по душам». Я теперь знаю почти все о своих бойцах: кто у них остался дома, как живут, о чем пишут. Нередко приходится давать советы. И даю. Откуда только смелость берется. Стараюсь руководствоваться своими знаниями и здравым смыслом.

У командира батальона я тоже, кажется, на хорошем счету из-за других учебных занятий и общей организованности. Но я совсем не горжусь этими успехами. Мне все кажется (уж такой у меня характер), что весь успех моего

взвода зависит от помкомвзвода. Верно, помкомвзвода у меня замечательный. В мое отсутствие во взводе дисциплина там такая же, как и при мне.

Отдавая приказания и распоряжения, я могу быть уверенным, что все они будут выполнены наилучшим образом.

9 июля 1943 г.

Вчера был в г. Шлиссельбурге, сходил в Военторг — и поскорее обратно: больно видеть разрушение такого красивого города. В нем долго хозяйничали фрицы, всюду видна их подлая рука. Дождь придает разрушенному городу какой-то особо мрачный колорит.

Мама, ты, может, помнишь моего товарища по военному училищу. Сегодня я узнал, что он убит. Я его не видел со дня выгрузки из вагонов. Тяжело думать, что его уже нет на свете. Много хороших ребят погубило это зверье. Я мечтаю добраться живым хотя бы до одного из них и убить — любым способом, но убить зверя. Как ни странно, но, находясь в тылу, даже не в глубоком, начинаешь бояться смерти. На переднем крае я неоднократно слушал свист летящих пуль. Иногда, находясь под обстрелом, всю ночь не обращал внимания на завывание мин.

10 июля 1943 г.

Здесь всюду были бои. Нигде не найдется квадратного метра земли, чтобы на нем не лежало самое малое один-два осколка. Ты знаешь, как я раньше интересовался подрывным делом. Сейчас я изучил это дело до тонкости. Нет ни одной немецкой мины, которую я не

мог бы обезвредить или, наоборот, поставить в нужном участке. Мне уже приходилось разминировать мины, поставленные по-настоящему, боевому, а не с учебной целью. На нашей местности было много немецких минных полей. Их, конечно, разминировали, но часть мин всегда остается.

Идем по торфянику — проволочка, сразу соображаешь: мина. Соблюдая все меры предосторожности, разряжаешь и вытаскиваешь круглый каравай килограммов на пять. Заденешь неосторожно эту проволочку — и ничего от тебя не останется.

До смешного глупым (особенно здесь) кажется вопрос Игоря, сохранила ли ты его альбомы. Он удирал и не вспомнил о них, а сейчас они ему понадобились. Еще бы, ведь там, в Новосибирске, самолеты не летают, все спокойно, будто и войны нет. Побывал бы он со мной 10 мая, пожалуй, ни разу о них не вспомнил бы. Ну, пока кончаю. Я уж и так постарался все охватить, но много еще осталось чего писать.

20 июля 1943 г.

Здравствуй, мама!

Вчера у меня был знаменательный день.

Мне вручили медаль «За оборону Ленинграда». Это торжественное событие совпало с двухлетием назначения товарища Сталина Народным Комиссаром Обороны.

Так что получился двойной праздник.

Из Шлиссельбурга мы переехали на старое место. Славно я там пожил. Каждый день ел

вдоволь свежей рыбы (ловили, конечно, не удочками, — одной гранаты хватает пуда на два рыбы). На занятиях в поле лакомишься ягодами; в этом году их очень много.

Погода опять испортилась. Мелкий, почти как туман, дождь и ветер. Хуже не придумаешь. Ты знаешь, я почти всегда настроен юмористически, никогда не унываю, но и меня пробрало наконец. Сегодня настроение паршивое, какая-то тоска. Виной всему патефон в нашем дворе. Красивые песни, мотивы, которых я не слышал с начала войны, будят воспоминания, вообще, как говорится, «берут за сердце».

Здесь много девчат всех возрастов. Я на них почти не обращаю внимания. Я мог бы за ними ухаживать, как другие. Но мне хочется не этого. Не знаю, что у меня за странный характер. Мне хочется настоящей любви. Я хочу быть уверен, что куда ни забросит меня фронтовая жизнь, она не забудет меня, будет любить по-прежнему. Я, кажется, вдался в лирику. Ты уж прости, сегодня у меня настроение довольно непонятное даже самому.

Положение на фронтах великолепное. Немцам всыпают и в хвост (Сицилия) и в гриву (Курское, Орловское, Белгородское направления). После разгрома немцев для меня и для тебя будет лучше, если ты будешь жить в Москве. Если я погибну, вкладывая свою долю в общий удар по врагу, все же тебе будет легче в нашей квартире (будешь, наверное, получать за меня какое-либо пособие). Если же я останусь жив, то тогда тем более квартира будет нужна. Не буду дальше заглядывать.

13—14 августа 1943 г.

Мамочка!

Пишу тебе это письмо ночью, под впечатлением вечера, проведенного с любимой девушкой. Сегодня дежурю по части, так что спать не имею права, но даже если бы и имел, то не мог бы. Слишком много различных мыслей в голове, а поделиться не с кем. Разве кто поймет меня так хорошо, как ты? Самые ближайшие мои друзья — разного со мной темперамента. Многие понятия о жизни, об искусстве, о любви, о девушках у них противоположные моим. Если бы я попытался поделиться с кем-нибудь из них своими переживаниями и т. п., они подняли бы меня насмех, посчитали бы, в лучшем случае, чудаком, а то и хуже.

Проведу параллель между моим пониманием жизни и их. Ты ответишь мне, кто прав. Пока же я остаюсь при своем мнении. Главное различие во взглядах на отношения с девушками. Они (я говорю про двух своих друзей) не понимают, что девушку можно любить, как близкого друга, который поймет тебя, посочувствует. Или любить, как любят красивые цветы. Им кажется странным проводить все время с одной и той же девушкой. Даже слово «гулять» мы понимаем по-разному. Я понимаю: встречаться с девушкой, ходить вместе в кино, на танцы, как с хорошим, близким другом, разговаривать, делиться мыслями, взглядами на жизнь. Для них «гулять» — это значит в один-два вечера (чем быстрее, тем лучше) вскружить ей голову. Так «гулять» для меня было бы легче всего. Но такая «любовь» меня совершенно не удовлетворяет.

Когда мы жили в Шлиссельбурге, я знакомился с девушками. Но ни в одной из них я не нашел того, что хотел: я не нашел внутреннего содержания. Разговаривать с ними приходилось на легкие темы, а такие разговоры мне не давали морального удовлетворения. И я порывал с ними по мере новых впечатлений и новых знакомств.

Но в одно из посещений клуба я увидел девушку. Я познакомился с ней только на второй вечер. У меня странный характер: если девушка мне безразлична, то познакомиться с ней — дело нескольких минут, но когда она мне нравится, у меня нехватает смелости и нужных слов. Из первого же разговора с ней я понял, что нашел тот идеал, о котором мечтал все время.

Скажу тебе несколько слов о девушке, которая сейчас для меня стала самой дорогой. Ростом она немного ниже меня, стройная, волосы такого цвета, как у меня, носит их, как раньше носила ты. Она 1925 года рождения, ленинградка, имеет образование 7 классов и историко-филологический техникум. Какое удовольствие говорить с ней, она понимает красоту, очень скромная и в то же время простая. Я затрудняюсь описать свой идеал, но добавлю еще раз — в ней первой я нашел его.

Пойми теперь мое самочувствие, когда мои друзья, как я понимаю из наших разговоров, думают, что я «гуляю» с ней так же, как они. И хуже всего, что я не могу пытаться их разубедить в этом, так как в противном случае они будут считать меня чудаком. Не знаю, прав ли я. Только если вспомнить книгу Горького

У любимого фотоаппарата.

Снимок 1940 г.

«В людях», то там есть места, где Горький рассуждает, как и я. Что ответишь ты? Когда я получу ответ на это письмо, вероятно, я буду спать на другом месте, но все равно хочется знать твое мнение относительно этого важного вопроса. Пока все. Крепко целую.

25 августа 1943 г.

Здравствуй, мама!

Живу на старом месте, обстановка все та же, что и раньше. Здоровье прекрасное. Зато настроение сегодня такое паршивое, не помню уж, когда и было такое.

Сегодня утром уехала девушка, о которой я уже тебе писал. Неожиданно их перевели в другое место. Вечером мы собрались идти вместе на концерт. Еще издали по ее расстроенному лицу я понял, что случилось какое-то несчастье. Я не ошибся. Утром следующего дня их часть уезжала; она пришла, чтобы проститься. Как изменчива на войне судьба человека! Нельзя быть уверенным даже в следующем часе.

Впервые за годы войны я встретил такую чудесную девушку, и так непродолжительно было наше знакомство. А теперь как-то пусто стало. Кончаю. Дня через два, когда немного успокоюсь, более бодрое письмо напишу, а сейчас при всем желании не могу.

26 августа 1943 г.

Мама, в девушке, которую я полюбил, я нашел все, о чем мечтал. У нее совершенно такие же взгляды на жизнь, на любовь, как у меня. Вместе с ней мы смотрели картину «Иран», содержания в картине нет почти совсем. Понравиться она может только красотой видов. Только от нее одной я услышал такую же оценку картины, как мысленно оценивал ее сам. Вечера, проведенные с ней, были самыми счастливыми. Но на войне счастье не бывает продолжительным.

Вчера был знаменательный день в моей жизни. Меня приняли в кандидаты ВКП(б). Получил кандидатский билет, в общем уже оформлено все. Остается показать себя в боях. Рекомендующие знали меня только по обороне и по работе на оборонных объектах. По правде говоря, хоть и хорошо жить здесь, в тылу, в городе, но мне уже надоело. Особенно почувствовалось это после отъезда Шуры. Знаю, что если и будет возможность увидеться, то не раньше окончания войны. Знаю, что войне скоро конец. Фрицев лупят со всех концов, и жаль, что я лишь косвенно участвую в этом общем ударе. Хочется самому активно участвовать в разгроме немцев. Хочется своими руками, пускай своей кровью, приблизить конец войны и новую, счастливую жизнь. Ты поймешь мое нетерпение. Слушаешь сводку, что наши войска освобождают города и села, а сам сидишь в тылу, пускай на оборонной работе, но в тылу. Скорей бы на нашем направлении начали наступление, может быть, нас бросили бы наконец в бой!

Привет всем родным и знакомым. Целую крепко.

27 августа 1943 г.

Получил твое письмо, написанное в первую пятидневку твоего пребывания у М. П. Порадовался, что ты хоть немного отдохнешь. Регулярно ли получаешь по аттестату? Живу я все еще в городе, обжился замечательно. Завел большое зеркало, картины (все откопали бойцы на пустых этажах и чердаках), постельное белье (сигнальные полотнища) и т. п.; живу, как дома. Только,

что тебя нет. Много литературы. И есть времени вдоволь читать.

Мои разногласия с друзьями теперь особенно обострились. Я хочу жить по-своему, а не ломать себя и жить, как они. У нас начались довольно резкие дискуссии. Больше всего споров с командиром взвода С. и меньше, но тоже есть разногласия с А. Ребята, приехавшие со мной из училища, их двое, стоят на одной точке зрения со мной. Жаль только, что в дискуссии они хранят нейтралитет. А выступаем в основном я и С., как самые ярые представители двух противоположных мнений. Много пишу об этом, так как живо переживаю вчерашний диспут. Я разгромил С. по всем пунктам, но по вопросу отношения и любви к девушкам, видно, его никогда не переубедишь.

Вчера началось с того, что ему предложили купить водки. Он почти согласился, я стал его отговаривать, а он надо мной смеяться. Припер я его в стенке предыдущим примером. Он получил много денег, стал договариваться о покупке «спиртного», пригласил меня в компанию. Я отказался. Он стыдил меня. Я смеялся в ответ. Первый день, может быть, он и блаженствовал и был доволен собой, но потом пустой карман сказал, что он сделал глупость, — сказал гораздо убедительнее, чем говорил я. Вчера я напомнил ему этот случай, и он впервые послушался моего совета.

Наконец споры и колкости надоели, и вскоре мы были опять друзьями. Маленькие «семейные ссоры» не вредят боевой дружбе. Думаю, что все же не напрасно написал тебе. Наверное,

тебя интересует мой образ мыслей и вообще моральное состояние.

Как замечательно идут дела на мировой арене! Я много работаю над материалами товарища Сталина «О Великой Отечественной войне». Весь ход войны был предсказан товарищем Сталиным. Особенно это заметно при тщательном изучении. А мне сейчас как раз и приходится тщательно изучать. Ведь нужно не только самому понять — нужно разъяснить бойцам.

Меня удостоили званием кандидата ВКП(б), и с моим образованием я ни в коем случае не имею права отставать. Не могу без улыбки вспоминать свои первые политзанятия. Как не похожи они на теперешние! Тогда я 2-часовую тему рассказывал в 15 минут, а теперь мне часто нехватает времени.

14 сентября 1943 г.

Очень тебя, мама, благодарю за письмо. Оно очень много мне дало: твои, сходные с моими, мысли еще больше укрепляют меня в моих убеждениях. У нас и теперь часто бывают диспуты. Сейчас положение усложнилось еще больше тем, что Шура уехала. С разными девушками проводил я вечера, разговаривал на работе, провожал домой, и ни одна из них не могла заменить Шуру. С Шурой я переписываюсь. Читать ее письма одно удовольствие. Я получаю письма еще от нескольких девушек, но письма от Шуры выделяются из всех. Даже почерком, а главное — содержанием. Все письма напоминают ее, говорят о ее живом уме, прямоте и честных взглядах на жизнь.

Мама, сейчас получил известие, что мы завтра уходим. Все мысли вразброд.

Наш отъезд очень неожиданный. За час до получения приказа выступать мы были уверены, что проживем здесь еще долго. Я провел себе свет, радио, зажил с комфортом — и вдруг... Такова уж наша военная судьба: приходится жить настоящей минутой, а что будет через час — нельзя загадывать. Сейчас сборы идут полным ходом. Кому после меня достанется моя комната, думаю, что тот будет доволен. Все остается. Ведь в поход берешь только самое необходимое: автомат, полевую сумку, плащ-палатку, котелок, скатку, запасной диск — вот и все.

ПИСЬМА Н. ЧЕХОВИЧА К МАТЕРИ И ШУРЕ

20 сентября 1943 г.

Мама! Мы на новом месте. Местность ровная. Немец нас видит, как на ладони. Его тоже великолепно видно. Жить здесь не особенно плохо. Правда, тесно. Есть патефон, гитара. Для развлечения иногда играем.

Мама, ты знаешь, как до сих пор мне везло. Счастье пока не изменяет мне. Сегодня я делал съемку плана обороны. Выбрал наблюдательный пункт и занялся делом. Как назло, фриц стал бить по моему наблюдательному посту из миномета. Съемка срочная, уйти нельзя, некогда, а мины ложатся в 5—10—15 метрах. Очень трудно делать съемку, когда то и дело пригибаешься от осколков. Наконец мне надоело это. Решил сначала закончить съемку другого участка. Через полчаса немцы перенесли огонь в другое

место. Я пришел на наблюдательный пост и вытаращил глаза от изумления. На том месте, где я сидел, еще дымились три воронки. Задержись я еще немного, не пришлось бы мне больше никогда писать тебе письма. Это называется повезло!

В остальном все в порядке. Фриц очень ослаб; на каждый его снаряд, мину, пулю летит больше десятка наших. Обо мне не беспокойся. Крепко целую.

20 сентября 1943 г.

Здравствуй, Шурочка!

Ты знаешь, какое счастье для меня получать твои письма. Особенно здесь, на переднем крае Первое твоё письмо получил я ночью. И, несмотря на все неудобства, тут же его прочитал. Сон как рукой сняло. Долго пролежал вспоминая тебя. Какое счастье на несколько часов отвлечься от окружающей обстановки! Забыть, что лежишь в сыром, прокопченном блиндаже, забыть, что двое суток провел под огнем немцев, оборудуя свой участок обороны. В памяти проносятся вечера наших встреч. Вспомнишь все до мельчайших подробностей. Особенно последнее пожатие руки, последний взгляд на твоё дорогое лицо. Почему я не сказал тебе тогда, что люблю тебя?! Конечно, мы мало еще знали друг друга. Но для меня с первого же вечера было ясно, что в жизни я не встречал такой девушки, как ты. Надо было тебе все сказать. Я бы хотя знал твой ответ. А теперь я пишу письма тебе, как простому товарищу, а хочется совсем в другом тоне: как самому близкому другу. Я хотел бы получить от тебя ясный, прямой ответ.

Развлечений у нас в окопах передовой не особенно много. Играю на гитаре. Мне особенно стала она дорога, когда я узнал, что ты тоже играешь на этом инструменте и тебе он нравится.

С наступлением темноты веду пулеметную перестрелку с фрицами. Это тоже своего рода развлечение, особенно когда бывает плохое настроение. Треск пулемета, свист пуль, посылаемых фрицами на мою любезность, вообще вся шумиха перестрелки как-то немного заглушает тоску.

Я очень рад, что ты живешь в довольно хороших условиях и есть надежда на лучшее. Поэтому, нет оснований не отпустить вас на учебу домой. Обстановка на фронтах и международная складывается очень благоприятная. Пожалуй, наступление холодов еще ускорит ход войны. Как только замерзнут болота, а то и раньше, начнем наступление и мы. Едва ли немцы долго выдержат наступление по всему фронту. Конечно, нам придется вести войну до самого конца. Но вас пора бы отпустить. Вы уже и так много сделали для достижения победы. Пожалуй, пора подумать и о послевоенном восстановлении хозяйства страны. Тогда понадобятся не только рабочие руки, но и специалисты всех отраслей промышленности. Мне бы очень хотелось, чтобы вас отпустили и ты наконец отдохнула бы от кочевой жизни, а я смог бы более регулярно вести с тобой переписку. Очень уж часто меняется у вас адрес.

Шурочка, если бы ты знала, как я жду твоего ответа! Не предполагаю, каков он будет. Ведь ни из разговоров с тобой, ни из твоих писем невозможно сделать ни положительного, ни

отрицательного вывода. Будем ли мы продолжать нашу дружбу после войны? (Я пишу «дружбу», — надеюсь, ты поймешь, что этим словом я хотел сказать больше.) Мне тебя не забыть никогда. Но ты? Будешь ли помнить ты меня? Ты живешь в городе, ходишь в кино, клуб. Без сомнения, встречаешься со многими молодыми людьми. Не долго забыть человека, с которым была знакома несколько вечеров, но для которого за это короткое время ты стала очень дорога. Тем более, он далеко, находится в таком месте, где сейчас жив, а через минуту писарь вычеркивает его из списков. Стоит ли его ждать? Терять время? Что ты ответишь на этот вопрос? Вот о чем я часто задумываюсь. А у меня есть привычка предполагать самое худшее. Так что после таких размышлений у меня бывает плохое настроение, как я писал вначале.

До свидания, дорогая. Жду твоего ответа.
Коля.

Р. С. Прости за небрежный вид письма: пишу в блиндаже на полевой сумке, лежащей на коленях. При всем желании аккуратнее не напишешь.

13 октября 1943 г.

Мама, тебя, наверное, удивляет предпочтение, отдаваемое мною переднему краю. Удивлю тебя еще больше, сказав, что это не только мое мнение, а почти всех. Почему — объяснить длинновато, когда-нибудь в другой раз. Сегодня пишу «на тычке». Всю ночь путешествовали по траншеям. Сверху — дождь, снизу — жидкая глина или вода до колен. По бокам тоже глина. Но

шутки и смех все равно не умолкают. Тем более, что то и дело есть повод посмеяться. То один, то другой из нас самым нелепым образом шлепаются. Если сейчас я смеюсь над помком-звода (он у меня славный парень), то через минуту он надрывается надо мной.

13 октября 1943 г.

Здравствуй, Шура!

Сегодня получил сразу два твоих письма. Обидно будет, если некоторые из твоих писем пропали. Ведь каждое из них приносит мне столько радости. Я храню все твои письма, часто перечитываю их и каждый раз нахожу все новое, чего, кажется, не замечал раньше. Всегда в письме от дорогого сердцу человека между строк читаешь больше, чем написано в строках. Твои письма всегда придают мне новую энергию, бодрость в суровых условиях фронтовой жизни. Я, кажется, еще не описывал тебе подробности боевой операции, участником которой я был. Напишу в следующих письмах. Тогда мы ползли ночью под проливным дождем, то и дело прижимаясь к земле от пулеметных очередей и каждую минуту ожидая, что наползешь на мину. А я все время ощущал в кармане гимнастерки теплое, дружеское похрустывание бумаги твоего письма. Казалось, ты здесь вместе со мной, и почему-то меня наполняла уверенность, что я вернусь не только живым, но и невредимым. Рассудок говорил, что шансов на это у меня не так уже много, что я так же легко могу навсегда остаться лежать около немецкой колючей проволоки, как и всякий другой. Но какое-то другое чувство подсказывало, что это

еще не последняя операция, в которой я участвую. Тогда я не верил этому чувству, теперь вижу, что оно не обмануло меня.

Будет ли счастье и дальше сопутствовать мне, как сопутствовало до сих пор? Не знаю. Во всяком случае, я ни разу не шел ему навстречу. Я очень люблю жизнь, мечтаю о жизни после войны, о встрече с тобой, и все-таки любовь к жизни нисколько не мешала и не мешает мне идти на самые опасные участки. Не моя вина будет, если после войны я вернусь живым. А как бы хотелось вернуться! Особенно теперь, когда я имею такого друга!

Знаешь, Шурочка, в долгие ночи на передовой, когда совершенно нечего делать, часами лежишь в блиндаже, вспоминая прошлое, мечтая о будущем. Так было еще весной, когда мы стояли под Синявиним. У меня есть в характере некоторая мечтательность. В бою она уступает место холодной расчетливости. Хорошо было тому, у кого дома осталась девушка. Он получал письма, мог мечтать о будущей встрече. У меня не было такого близкого друга. Постепенно в своем воображении я сам создал его. В мечтах я видел девушку, с которой хотел бы встретиться после войны, — это была только мечта. Мог ли я ожидать, что когда-нибудь она превратится в действительность! Нас сняли с обороны. Отправили в Ленинград. В первое посещение клуба я случайно увидел девушку. Девушку моей мечты. Это сходство было таким неожиданным, что я невольно вздрогнул. Мечта превратилась в действительность, но действительность оказалась, несомненно, лучше мечты. Не буду повторять, как мы познакомились с то-

бой. Лишь еще раз вспомню, как мало мы были вместе. Последний вечер я почти не мог ни о чем говорить. И думал только одно: что вижу тебя в последний раз перед долгой разлукой.

Шурочка, я не сказал тогда тебе, что люблю тебя. Почему? Ты сама понимаешь. Трудно сказать первый раз в жизни эти слова девушке, особенно если не уверен, любит ли она тебя. С тех пор прошло много времени. Я писал тебе, ты отвечала. Но только сегодня из последнего письма я узнал, что ты тоже любишь меня. Если бы ты знала, милая Шура, сколько радости принес мне твой ответ! Ты пишешь, что можно было все понять из других писем. Конечно, я понимал, но согласись, что есть разница — понять самому или узнать ответ, сказанный тобой. Теперь у меня не осталось ни малейшего сомнения. Больше ты не получишь письма, написанного под таким тяжелым настроением, как было однажды. Кстати, прости, если я тебя обидел содержанием того письма.

Ну, надо кончать. А хочется писать еще и еще. Пиши о себе побольше. Как работа? Какое смотрела кино? Что читаешь? Поверь, что каждая мелочь интересует меня.

До свидания. С приветом к тебе *Коля*.

26 октября 1943 г.

Здравствуй, мама!

Живу хорошо, не беспокойся обо мне. Конечно, бывает и очень тяжело, но ведь на то и война. К счастью, я все-таки крепко сделан, да и характер у меня не унывающий. Позавчера пришлось идти с вечера на передний край. Пред-

ставь себе эту веселую картину. Ночь. Все время, не переставая, идет паршивый осенний дождь. Тьма такая, что не видно собственной руки. Итти более 15 километров по грязной фронтовой дороге, и почти половину этого расстояния по залитому водой лабиринту траншей. Ты всегда удивлялась моему умению ориентироваться на местности и вспоминала тот случай, когда я тебя вел по незнакомому лесу километров пять и без ошибки привел на нужное место. По сравнению с тем, как приходится путешествовать сейчас, все это были детские игрушки. Одному бы итти еще полбеды, но нужно все время заботиться, чтобы не растерять людей. В такие минуты особенно чувствуешь свою ответственность командира. Как важно иногда пропустить мимо себя бойца, сказать ему шопотом ободряющее слово. А иногда, наоборот, короткое приказание, суровый тон подчеркивают и дают понять людям всю важность четкого исполнения задания.

Сходили, пришли обратно, едва успели отдохнуть часа три и пообедать, как приказ снова итти туда же. Снова пошли, снова то же удовольствие. На обратном пути получил по дороге в штаб два письма — от тебя и от Шуры. И несмотря на двухсуточное напряжение всех сил, на то, что я опять с головы до ног вымок и был облеплен глиной, а впереди предстояло еще километра два пути, настроение так поднялось, что пел песни, шутил с бойцами и наконец не стерпел. Поручил довести людей своему помощнику, а сам оставшиеся полтора километра пробежал бегом, чтобы приготовить все для встречи усталых бойцов. Я затопил печку, получил про-

дукты, поставил чайник. Они пришли, и все было готово. Можно было и обогреться, и поесть, и попить чайку. Никто из бойцов не благодарил за заботу, но я знаю, как они ценят ее. Они платят мне такой же, если не большей, заботой. Только закончив все дела, стал писать тебе и Шуре. До сих пор сам удивляюсь себе. После двух суток без сна и шестидесятикилометрового «гулянья» по «самой замечательной» дороге я бежал так легко, как будто несколько дней перед этим никуда не ходил.

Получил сейчас открытку, что ты уезжаешь в Москву. Очень беспокоюсь за тебя, как ты доедешь. Не надо было брать никаких моих вещей. Если не продала, подарила бы кому-нибудь. Главное, чтобы ты доехала благополучно, а вещи — ерунда. Жив буду — наживу, а нет — так и не понадобятся. Надеюсь, что теперь письма будут ходить быстрее. Так хочу спать, что хоть подпорки подставляй под веки. Все-таки эти двое суток утомили.

26 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня получил твое письмо с новым адресом. Надеюсь, больше никогда не изменится он на полевую почту. Я очень рад, что наконец-то ты живешь дома. Конечно, работать на военном заводе тоже не легко, в особенности с непривычки, но все же не сравнить с вашей работой на трудфронте. Ты хоть после работы можешь хорошо отдохнуть в домашней обстановке. Я думаю, что мне тоже осталось недолго сидеть в окопах. Должны же и мы когда-нибудь перейти в наступление. Всюду фрицев гонят. Мне пишет

товарищ из-под Харькова. Он в одной из гвардейских харьковских дивизий. Фрицы так «успешно» удирают, что бросают все, вплоть до ботинок. А мы здесь все еще сидим. Что толку, что только я один выпускаю ночами до 20 пулеметных дисков бронезажигательных пуль по вспышкам немецких выстрелов. Да еще сколько выпускают мои хлопцы! Все равно результатов не видно. Убил ли я кого, ничего не знаю. Другое дело в наступлении. Уж если прошел фрица автоматной очередью, то можешь быть уверен—одним меньше. Ребята у меня, как на подбор. С такими можно смело идти на любое задание.

Пиши больше о своей жизни. Меня очень все интересует. Как только получу фото, пошлю тебе, если выйду более или менее прилично. Надо кончать. Признаться, перечитывая письмо, нахожу его довольно бессвязным,—да это и понятно. В голове масса мыслей, все хочется написать, но все не уместить: невольно перескакиваешь с одной на другую.

30 октября 1943 г.

Здравствуй, мама!

Я жив и здоров. Живу довольно хорошо. Почему довольно? Очень уж трудно далась последняя неделя. Встаешь в 5 часов и ведешь людей на работу. Обрато возвращаешься уже затемно. Итти приходится километров за двенадцать в одну только сторону, а грязь здесь такая, какой я не видал еще в жизни. Сапоги терпели, терпели и не выдержали. Теперь чиню чуть ли не ежедневно, и все равно текут. Надеюсь, что вместе с зимним обмундированием, может быть, выдадут сапоги.

Мне иногда вспоминаются твои слова: «Коль, смотри не промочи ноги, а то простынешь!» Не раз приходилось не только ноги, а вообще вымокнуть от носа до пят, да вдобавок в таком виде проводить на открытом воздухе по нескольку дней. Но я не унываю. Почти всегда весел, часто пою песни. Часы, твой подарок, все еще идут. Иногда капризничают, но у меня выработался к ним особый подход, так что пока ничего. Хорошо, что я сделал их светящимися. Это пригодилось мне здесь.

5 ноября 1943 г.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо с адресом Юры. Спасибо. Как мне хочется вернуться домой! Особенно сейчас, когда из твоих писем я узнал всю тамошнюю жизнь. Но, несмотря на то, что я люблю жизнь, все окружающие уверены, что я ею нисколько не дорожу. Происходит это потому, что, во-первых, я крепко держу себя в руках и, во-вторых, как говорится, научился воевать. Сейчас вспоминаю свое поведение первые месяцы войны,—верно, не сравнить с теперешним. Много значит опыт. Тем более у меня выработана привычка все изучать и из всего извлекать для себя пользу. И это позволяет мне пройти там, где не могли пройти другие. Конечно, все дело случая, но и голова на плечах должна быть. Посмотрю, что будет дальше. Будь уверена, что не уроню чести своих родителей. Если суждено, то вернусь, а если нет, то, что же,—не я первый. Сейчас подходят праздники. Поздравляю тебя с годовщиной Великой Октябрьской революции. Надеюсь, что хоть по слу-

чаю такого знаменательного дня мы что-нибудь предпримем насчет фрицев. Очень надоело сидеть в бездействии и заниматься только работой.

Мама, если со мной что-нибудь случится, ведь я не бронированный, то напиши Шуре — она замечательная девушка. Я еще не встречал такой. Пишет часто. Когда почему-либо от меня дней пять нет писем, очень беспокоится. Правда, я тоже так. Хотелось бы встретиться с ней.

Мама! Имеешь ли ты какие-нибудь льготы? Жаль, меня там нет. Много я помог бы тебе, особенно сейчас, первое время в Москве. Насчет света: если он слаб во всем доме, то плохой контакт на столбе, а если у нас одних, то в пробках или проводке.

Пока кончаю. Пишу в траншее во время работы. Писать паршиво: кругом вода и глина. Весь вымазан ею с головы до ног.

До свидания. Целую.

Обо мне не беспокойся. Береги себя. Юре послал письмо. Дождусь ли ответа?

Ноябрь 1943 г.

Дорогая Шурочка!

Сейчас сидел, читал книгу, и не знаю, подействовала ли обстановка (потрескивают в печурке дрова, тускло горит коптилка, тихо, доносится дыхание спящих бойцов), или встретившееся в книге имя Шура, но только так захотелось повидать тебя, поговорить с тобой хоть несколько минут! Я, не задумываясь, отдал бы год жизни за минуту свидания с тобой. Когда придет тот счастливый день, что я скажу тебе: «Здравствуй, Шурочка!» и пожму твою руку, а может быть...

Кажется, уже не долго ждать, дни летят, как минуты, но хочется еще быстрее. Какими словами передать то нетерпение, с каким ожидаешь дня встречи!

Конечно, ты без слов все понимаешь. Да, наверно, и сама чувствуешь то же. А потому заканчиваю это отрывочное письмо. Написал я его неожиданно для самого себя. Не знаю, послать ли? Пожалуй, пошлю. Пойми, милая, все чувства, которые я вложил в него.

Крепко жму твою руку.

8 ноября 1943 г.

Здравствуй, мама! Спасибо, что часто пишешь. Мне очень интересно все, как там у вас. Тяжело тебе приходится, и я не могу ничем помочь. Сейчас свободный час выдается редко. У меня все хорошо: не беспокойся. Одет тепло: фуфайка, нательное белье, ватные брюки, гимнастерка, меховая безрукавка, телогрейка, шинель. Шапку, правда, дали очень некрасивую, так что пока предпочитаю носить фуражку. До праздников все время работали на передовой. Сегодня второй день отдыхаем.

Крепко досталось, особенно нам, командирам. Бойцы не каждый раз ходили на работу: то ботинок порвется, то ногу натрет, то в баню пойдут. А нас заменить некем. Я здорово, до крови стер ногу (очень плохо отремонтировал сапоги) и все-таки ходил. Даже ни разу не заявил никому. Итти все равно ведь надо. Стиснешь зубы и идешь так, что бойцы едва успевают.

Сейчас наступила реакция. Как лег в 8 часов вечера, так проснулся только в 11 утра. За-

то проснулся бодрым, свежим. Разделся до пояса, пробил в воронке лед, основательно вымылся. Первый раз за весь месяц, наконец, отскреб всю глину с обмундирования.

Чувствую себя прекрасно. Я снова готов идти куда угодно. Пожалуй, в таком настроении я ни секунды бы не задумался, если бы мне нужно было перебежать нейтральную зону и забросать фрицев гранатами. Ты знаешь, у меня и раньше бывало «воинственное настроение». Это только показывает, как немного надо, всего два дня отдыха, чтобы полностью восстановить свои силы. В общем у меня все хорошо. Беспокоюсь о тебе.

9 ноября 1943 г.

Здравствуй, дорогая Шура! Получил сегодня твое письмо. Пользуясь тем, что дежурю по части, спешу ответить. Если бы не дежурство, то наверняка в один вечер ответить не успел бы. Наше свободное время уплотнили до чрезвычайности. Вечером конспекты и подготовка к занятиям. Днем на занятиях тоже не напишешь. Все занятия в поле. Удивительная в этом году зима. Никогда еще не приходилось встречать мне такую мягкую зиму. Правда, в этой области я встречаю зиму первый раз. Может быть, здесь всегда так, но, наверное, этот год везде одинаково. Из Москвы мне пишут, что там тоже не поймешь: зима или весна наступает. Такая мягкая погода может быть очень приятна в городе, но нам не совсем улыбается. Под снегом — незамерзшая вода, и часто то один, то другой возвращается домой, провалившись по пояс в воронку.

Каждый день лыжные занятия. Я очень люблю спорт, особенно зимний — лыжи, коньки. В Москве бывало каждый выходной уезжал в парк. У нас там большой парк, граничащий одной стороной с Сельскохозяйственной выставкой, а другая уходит в леса Московской области. А еще больше любил забрать коньки и к вечеру поехать на каток в ЦПКО имени Горького. Сколько удовольствия мчатся по зеркальной поверхности льда, сверкающего в лучах прожекторов! Все аллеи парка превращены в ледяные дорожки. Устанешь кружиться на шумном центральном катке, и уносишься по аллее в сумрачную глубину парка. Повторятся ли когда-нибудь такие вечера? Как хотелось бы мне провести такой вечер с тобой! Вместе с тобой рука об руку скользить по зеркальной поверхности льда. Или идти на лыжах в ясный солнечный день по парку, где, покрытые серебристым инеем, как в сказке, стоят деревья. Один бы такой день или вечер! А потом я с усмешкой пошел бы даже навстречу верной смерти. Как много значит для человека любовь! Никогда прежде до знакомства с тобой я не знал и не переживал этого.

Знаешь, Шурочка, часто, когда перечитываю свои письма, у меня возникают такие мысли: не думаешь ли ты, что я часто довольно образно описываю события своей жизни, только, как говорится, «для красного словца». Надеюсь, что нет. Ты, конечно, понимаешь, что в условиях военной жизни от души поговорить с любимым другом, даже через письма, — большое счастье. Ведь всегда очень хочется передать свои мысли и чувства как можно ближе к действительности.

А это не так-то легко сделать через мертвую бумагу письма. Но я думаю, что ты в моих письмах, так же как и я в твоих, между строк понимаешь больше, чем написано в строках. Пожалуй, надо кончать. Хотя мыслей в голове столько, что не описать и в десяти письмах.

До свидания. Крепко жму твою руку.

12 ноября 1943 г.

Мама, у меня все хорошо. Вода кончилась. Все замерзло. До чего я этому рад. Скорей бы выпал снег, встанем на лыжи. Как хорошо ты описала 7 ноября! Я так живо представил всю привычную картину встречи праздника у нас дома! У меня, конечно, все было по-другому. Ночь перед праздником нес вахту на передовой. Ночь прошла спокойно. Фрицы, наверное, боялись нос высунуть из своих щелей. Полюбовался зрелищем, пожалуй, более грандиозным, чем салют в Москве. Это салют нашей артиллерии и «катюш». В темноте ночи на одном конце горизонта вдруг начинают вылетать один за другим огненные клубки и раздается характерный скрипящий звук. Клубки тают в небе, а у фрицев начинают вырастать огромные фонтаны огня. Земля колыхается, как кисель, от мощных взрывов. Невесело в такой момент фрицам. Если к этому прибавить разноцветные струи трассирующих пуль, перелетающих в воздухе, и ракеты всех цветов, то можешь себе представить, как интересно любоваться таким зрелищем. Это, пожалуй, поинтересней, чем фейерверк в парке в выходной день.

Днем 7-го с утра меня вызвали в старое расположение на кросс. День был великолепный.

Времени в запасе было много. Погулял в прифронтовом городке, сходил в кино. Направился на кросс. Три километра пробежал в 13 минут 40 секунд. Сапоги очень тяжелы: трудно бежать. В общем праздник провел как нельзя лучше. Наслаждался полной свободой: никто никуда не направляет, не вызывает, ни о чем не заботишься. Давно у меня не было такого времени. Три ночи спал раздевшись!

После праздников опять будни. Опять работа на переднем крае. Вчера работали последнюю ночь. И, как бывает, не повезет человеку. В последнюю ночь, в последнюю минуту перед уходом погиб от шальной пули мой помощник. Я стал разговаривать с ним в траншее, и вдруг он захрипел и опустился на дно траншеи. Пуля попала в голову. Сколько раз около меня падали люди, и все же до сих пор не могу спокойно видеть такую смерть. Я был просто потрясен. Как я ненавижу виновников всех ужасов войны! Как хочется отомстить! Весь остаток ночи я провел, поливая из автомата позиции немцев, в надежде, что хоть одна из всех пуль, может, где-нибудь пристукнет гада.

До свидания. Привет родным и знакомым. Целую крепко.

16 ноября 1943 г.

Мамочка! Дела у меня идут хорошо. Сегодня дежурю по части. Пришлось порядочно полазить по столбам, зато вечером, после коптилки, электрический свет был для нас праздником. Наши офицеры на радостях качали меня. Чуть потолок не сломали моим грешным телом. А я вспом-

нил нашу квартирку. Как ты была довольна, когда я электрифицировал ее.

Ты пишешь о том, как живет Игорь. Призадуматься заставило меня то, что ты пишешь. Прямо удивительно, как ловко сумел он «окопаться» в тылу. Помню, в начале войны, как много он говорил красивых слов. Пошел добровольцем тоже в виде красивого жеста, а как услышал первые взрывы, так и хвост поджал. Я напишу ему письмо,—пусть знает, что я думаю о нем.

Если я останусь невредим, то больше всего надеюсь пойти учиться в Военную академию. За это время я успел полюбить военную службу. В общем ничего загадывать не хочу. Жизнь покажет.

ПИСЬМО Н. ЧЕХОВИЧА ТОВАРИЩУ ИГОРЮ

Здравствуй, Игорь! Вчера с удивлением узнал, что ты приехал и живешь в Москве. Как ты туда попал? Я думал, ты давно уже защищаешь Родину. Тем более, что в начале войны, еще не испытав ее прелестей, ты очень рвался в добровольцы. С тех пор прошло много времени. Здесь, на переднем крае, я встречаю людей, годных тебе в отцы; некоторые из них ничего не видят ночью, и то воюют. Я не сомневался, что и ты давно в армии. Помню, до войны ты так же, как и я, восхищался героями различных приключенческих книг. Описание сражений, битв, ночных поисков и т. п. давали обширные темы для разговоров о вкусе такой жизни. Действительно, при некоторой привычке такая жизнь очень много дает человеку. Есть своеобразная прелесть в риске

жизнью—об этом ты тоже много говорил до войны. Почему же ты не пошел испробовать это, а, наоборот, забрался в самые дебри Сибири? Чем же ты вспомнишь войну? О чем будешь рассказывать?

Конечно, в войне есть много тяжелых моментов, о которых и вспомнить неприятно. Но зато ты никогда, живя в тылу, не узнаешь таких ощущений, как на фронте. Во время последней операции, проведенной мною, был один момент, который я не променял бы на самые приятные минуты моей жизни. Один этот момент вознаграждал меня за все неудобства, предшествовавшие ему. Пришлось около двух километров идти по залитым до пояса водой траншеям, более сотни метров ползти по мокрой от непрерывного дождя, изрытой воронками глинистой почве нейтральной зоны, ежеминутно ожидая, что наткнешься на мину. Но зато потом, когда все было готово к штурму!.. Сжимаешь в руке ракетницу и думаешь, что одного движения пальца достаточно, чтобы привести в действие всю операцию. Невольно оттягиваешь эту секунду, наслаждаясь своей властью. Чувствуешь, как в темноте, ожидая сигнала, напряглись люди, а за далеким горизонтом наблюдатели минных батарей тоже ждут сигнала. Переживал ли ты когда-нибудь такую минуту? А затем хлопнул выстрел, взвилась зеленая ракета, — и началось такое, чего никогда ни один писатель не мог описать так, как бывает на самом деле. Разрывы двадцати гранат, треск автоматов, разрывы мин в глубине немецкой обороны—все смешалось в захватывающую до опьянения музыку штурма. Такого момента ты тоже никогда не переживал! Не испы-

тывал не поддающегося определению чувства, когда автоматной очередью прошьешь мелькнувшую в траншее тень. Я никогда не думал, что с таким легким сердцем отправлю на тот свет человека,— правда, за людей я не считаю это зверье. Не буду описывать отход, после того как действовавшие со мной разведчики выловили «языка». В отходе уже нет ничего особо интересного.

В общем скажу еще раз, что если вернусь живым, то будет что вспомнить, а если нет, то меня будут вспоминать мои боевые товарищи. Вот и все, что я хотел написать. Может быть, и не нужно было этого писать. Меня просто очень удивило, что ты, так много говоривший и писавший о героизме боевых схваток и т. п., не использовал возможности испытать все самому. Раньше я так и понимал из твоих слов, что, представь тебе малейшая возможность, и ты первым пойдешь в бой. На этом кончаю.

Николай Чехович.

ПИСЬМА Н. ЧЕХОВИЧА К МАТЕРИ И ШУРЕ

30 ноября 1943 г.

Здравствуй, мама!

Хотя времени нет совершенно писать, но не могу — «душа не терпит»: хочется поговорить с тобой.

Как я люблю читать твои письма! Спасибо, что ты их пишешь часто и описываешь все малейшие подробности. Мне все очень интересно. Прости только, что не могу регулярно отвечать.

Хочется поделиться мнением по каждому вопросу. Сейчас у меня лежат без ответа, помимо твоих, письма от Игоря, Шуры, Лиды. Я отвечаю в первую очередь тебе.

Как я тебе благодарен за текст присланной песни! Сколько она мне напомнила хорошего! Когда-то давно, когда еще не было войны, я слушал концерт. Тогда я услышал эту песню. Слов не запомнил, но музыка, прекрасно гармонирующая с моим настроением, в этот вечер глубоко запала мне в душу. Я сам сочинил текст песни. Она весь вечер звучит у меня в сердце. Тогда я был мечтателем, это немного есть и сейчас. Пока все спокойно, мы на отдыхе. Отчего не помечтать, как в былое время? В бою я действую с холодным расчетом. Но стоит вернуться с задания, с полчаса провести в землянке, как уже снова приходят мечты о чем-нибудь особо героическом. И это несмотря на то, что прекрасно знаешь, что «война есть война» и нечего искать в ней ту красоту, какую мы привыкли представлять себе в мирное время и сейчас в тылу.

Насколько я знаю из опыта, самый храбрый человек дорожит жизнью. Разница между храбрым и трусом лишь в том, что первый дорожит жизнью разумно, тогда когда это можно и нужно, а второй всегда и всюду трясется над ней. Меня товарищи считают смелым до безрассудства. Но я уверен, что чувствую то же, что и самый робкий новичок. Когда бывало на работе стоишь или ходишь по несколько часов среди посвистывающих пуль, то все время напряженно всем телом ожидаешь, что этот свистящий кусок металла врежется в тебя. Или, например, под

артиллерийским обстрелом. Слушаешь вой приближающегося снаряда, особенно когда по звуку определяешь, что он упадет близко, и сердце так неприятно сжимается. Но я никогда не показываю этого. Я укрываюсь, пригибаюсь или ложусь только в тех случаях, когда знаю, что это поможет.

У нас настоящая зима, ходим на лыжах. Скверно, что чортова болотистая местность плохо замерзает. Только и жди, что ввалишься в какую-нибудь затянутую льдом воронку.

Одет тепло: не беспокойся. В общем, как обычно, хорошо. Настроение бодрое. Надо кончать, так как «засыпаю на корню».

4 декабря 1943 г.

Мама! У нас уже зима. Снег лежит повсюду, но под снегом вода. Как она мне надоела! Ездим на лыжах. Я себе подобрал замечательные, легкие, сами летят.

Надеюсь, что день рождения, 12.12.43 г., буду встречать здесь. На перемену нет пока никаких намеков.

Расскажу об одном случае, о котором я еще ни разу не упоминал в своих письмах, чтобы понапрасну не тревожить тебя. Ведь тебе опасность покажется обязательно во сто крат больше, чем на самом деле. Работали по ночам, днем спали в землянках. Одна ночь отклонилась от распорядка. Немцы надумали устроить разведку боем, то есть, выражаясь более просто, начали наступление не очень крупным подразделением. Само собой, что мы, не дожидаясь приглашения хозяев обороны, где мы работали, присоединились к ним. Моментально черпаки и лопаты сме-

нились автоматами; каждый выбрал себе ячейку,—и пошла стрельба. Я удачно попал в крытую ячейку. Сквозь амбразуру при свете ракет было видно сначала несколько перебегающих фигур, но потом, видимо, наш огонь пригнул к земле и самых нахальных фрицев. У меня автомат накалился до того, что обжигал руки. Фрицы сначала тоже палили здорово, но помаленьку затихли, отползли назад.

Я посмотрел на часы. Было 11 часов 30 минут ночи, и вот тогда мне почему-то ясно представилось: Большой театр, опера, звуки музыки в затихшем зале, балконы полны празднично одетых людей, среди них много военных в чистом, с иголки, обмундировании. Думает ли хоть один человек, что в эту минуту далеко от них, в траншеях передовой, мокрые с головы до ног, облепленные глиной люди, не обращая внимания на непрерывный грохот разрывов немецких мин, ставят смертоносную, непробиваемую стену огня передседающей пьяной ордой?

Ты пишешь, что мать Коли Морозова жалуется, что ему тяжело: много дел, общественной нагрузки. Могу дать хороший совет: стоит только хорошенько, ярко представить себе то, что я мог лишь бледно описать выше, усталость как рукой снимет. То, что я описал, можно сказать, цветики. Стрелять из траншеи, даже когда на нее обрушивается шквал мин,—ничто по сравнению с тем, когда картина обратная; немец в траншеях, а мы выковыриваем его оттуда. На открытом месте чувствуешь себя, как голым, совершенно беззащитным от свистящего кругом металла. Променяет ли Морозов самую «отчаянную» нагрузку, работу целой ночи без сна на ту

Лейтенант Николай Чехович с боевым другом
Иваном Ковалевым.

Снимок прислан в 1943 году с Ленинградского фронта.

же самую ночь на передовой, где приходится лежать в талом снегу, от пуль не поднять головы, а по этому месту непрерывно бьют минометы? Пожалуй, самая трудная математическая задача проще этой. От минометов нужно двигаться вперед или назад, а пулеметы не дают шевельнуться. Остаться на месте нельзя: в конце концов какая-либо мина или осколок угодит в тебя. А двигаться тоже нельзя.

Мама, мне очень нужен транспортир. Придется много работать с картой, а без него невозможно. Выбери поменьше и полегче, чтобы не выпал из письма, и пришли. Есть еще много вопросов, которыми мне хотелось бы поделиться с тобой, но в одном письме все не упишешь. Пишу напоследок свой девиз: «У меня все в порядке, настроение и здоровье прекрасное». До свидания.

P. S. За время войны я полюбил изучать психологию, образ мыслей людей и особенно новую область, которую раньше мало знал, — девушек.

9 декабря 1943 г.

Надеюсь, что сегодня последняя ночь нашей работы. Но ничего точно не известно. Может быть и так, что и день рождения я встречу здесь.

Сейчас нельзя быть уверенным в завтрашнем дне. Вот опять пал сраженный в сердце разрывной пулей один из моих самых хороших ребят. Эти разрывные пули — варварское изобретение, достойное фашистского зверя. Как разворотило ему, бедняге, грудь! Смотреть страшно.

Когда же наконец кончится эта бойня?! Ско-го ли последний гад найдет себе могилу в нашей земле? Каждый раз, идя на работу, мы пере-

секаем Московское шоссе. Посмотришь вдаль, и мысленно представляешь место, где оно входит в мой любимый город, прямо на улицу Горького. Но сзади и спереди взлетают ракеты: там сидит враг.

Мама, ты все спрашиваешь о моем здоровье. Жив, здоров. Ничего меня не берет пока. Не знаю, как дальше будет, но все-таки почти уверен, что если фриц не убьет, то вернусь здоров, как бык. О состоянии легких и сердца можешь судить по кроссу. Прибежал 15-м из 1000, а ведь знаешь, в чем я бежал: ватные брюки, меховая телогрейка и — хуже всего — сапоги по два пуда весом каждый. За время всех ремонтов они раз в пять возросли в весе.

Курить я все еще не начал, да и не собираюсь. Как Юрка, курит ли? Как это он возится с трупами? Трупов мне приходилось видеть много. Не раз на моих глазах человека превращало в жуткое кровавое месиво, и все-таки резать труп я не мог бы. Мне трудно заставить себя вынуть документы у убитого, если он не был хорошо знаком мне.

Декабрь 1943 г.

Здравствуй, дорогая Шура! Новостей у меня пока особенных нет.

Некоторые лейтенанты уже раза по два ездили в Ленинград. А нам, строевым командирам, нельзя. Требуешь от людей дисциплину и порядок. Приходится и самому братьяся покрепче. Весь день в подразделении то занятия проводишь, то наводишь порядок, то делаешь внуше-

ние или подчас прочтешь целую лекцию какому-нибудь нерадивому бойцу.

Сильно я переменялся за годы войны. Никогда мне не думалось, что придется руководить людьми, многие из которых годятся мне в отцы. Еще в училище я даже не представлял себе, как приду в подразделение, сумею ли требовать, как полагается, выйдет ли из меня волевой командир. А сейчас все стало так просто и привычно, будто занимался этим всю жизнь. Теперь и мысли о послевоенной деятельности другие. Раньше я думал, что если останусь жив, после войны, буду продолжать учиться по гражданской специальности. Конечно, при условии, что с военной службы меня отпустят. Теперь другие мечты: поступить в Академию имени Фрунзе.

Как видишь, Шурочка, наши успехи на фронте и близость окончания войны дают мне повод строить планы на будущее, делить шкуру неубитого медведя! Не знаю, как все будет в действительности. Вернее всего, что все будет совсем не так, как предполагаешь. С одной стороны, военная специальность успела меня заинтересовать. С другой стороны, специальности более мирные дороги мне попрежнему.

С большим интересом я читаю описание твоей работы на заводе. Действительно, монтаж точных приборов — сложная и кропотливая работа. Знаю это по собственному опыту. Один раз мне пришлось в школьном физическом кабинете ремонтировать зеркальный гальванометр. Сидел над ним целый день, раз десять собирался просто бросить это дело, но в конце концов набрался терпения и исправил. Нравится ли тебе твоя работа? Насколько я помню, в школе

да и в техникуме девушки не очень любили работу с приборами.

Шурочка, в конце своего письма ты привела отрывок песенки. Верно, он сильно подходит к нашей жизни. Когда мы работаем на передовой, то так оно и бывает. Подходить к передовой можно только ночью. Днем немецкие снайперы не дают проходу, а по траншее не пойдешь — вода до краев. И так вот идешь: темнота крошечная, только и видны сверху звезды, под ногами смутно белеет тропинка. Посвистывают пули (немцы ведут «страховой» огонь). Для полноты удовольствия только и думаешь, как бы не залезть на минное поле. Сейчас об этом хорошо вспоминать. Сидишь в теплой комнате, и электричество горит. А тогда было не особенно весело.

Теперь несколько слов о своей теперешней жизни, о последних событиях. Снег выпал, кажется, наконец, на всю зиму. Я выбрал себе замечательную пару лыж. Только посмотришь на них, и уже хочется помчаться по снеговой степи. Наши лейтенанты пытаются шутливо охладить мой энтузиазм: «Еще надоест — так наездимся!» Вероятно, оно в конце концов так и будет, но пока я хожу на лыжах с упоением. Вот в основном все.

Можно писать еще много. Столькими мыслями хотелось бы поделиться с тобой. Но надо кончать. Зачем-то вызывают в штаб. Жду письма. Пиши, милая, почаще. Длительные перерывы между письмами всегда очень беспокоят меня.

До свидания.

12 декабря 1943 г.

Дорогая мамочка!

Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось 19 лет. Как я провел этот знаменательный для меня день? Сейчас расскажу, только сначала вспомни... как мы встречали его раньше!

Одиннадцатого пришли домой (как быстро всякое немного благоустроенное жилье становится домом), привели себя в порядок. Как удачно получилось: сегодняшней день не прошел, как обычный, будничней день. С утра, а оно началось в 5 часов, стали готовиться к параду по случаю вручения нам боевого знамени. В 9 часов начался парад. После него, примерно часов в одиннадцать, у нас выбрали 100 человек, лучших бегунов части. В число их попал и я. Устроили кросс на 8 километров. Сегодня бежал и прислушивался: у бегущих рядом дыхание частое, как у загнанной лошади, а у меня хоть бы что, все время ровное. Правда, под конец, когда остались последние 300—200 метров, нажал бешено, дыхание стало очень тяжелым, но это в порядке вещей, у всех так. Немного пройдешь шагом, и успокоится. Я пришел 5-м, а из офицеров 3-м — за 40 минут 35 секунд. Все, кто пришли впереди меня, почти профессионалы, бегали много раз на кроссах еще до войны. Самочувствие прекрасное — через 20 минут после бега не подумаешь, что и бежал. В общем можно сказать: день своего рождения провожу неплохо. Чтобы комнату хоть немного приукрасить, покрыл стол красным сигнальным полотнищем. При аккуратности нашей публики оно, конечно, больше дня не пролежит, но по

случаю такого дня не пожалел. Лыжи скучают в пирамиде. Снегу опять нет, гололедица. Для меня лыжные занятия -- одно удовольствие.

Мама, не знаю, как думают другие, а мне кажется, что конец войны теперь стал виден. Если не все мы, то участники Тегеранской конференции, наверное, знают, когда и как кончится война. Ведь там был товарищ Сталин. Он с самого начала войны предсказал весь ее ход, и в действительности все оказалось так.

Привет всем родным и знакомым. Целую крепко. Вчера получил письмо от Юры. Хороший он парень, после него не встречал еще такого и встречу ли?

24 декабря 1943 г.

Дорогая мама! Поздравляю тебя с Новым годом. Желаю, чтобы этот год стал годом полного разгрома врага и годом встречи всех родных и знакомых. Желаю скорейшей встречи в мирной обстановке.

31 декабря 1943 г.

Здравствуй, мама!

С утра ходили оборудовать новое место. К вечеру вернулись обратно, и я уже надеялся встречать Новый год дома. Но получилось иначе: в 23 часа получаю приказание итти разбирать какие-то землянки, так что, когда светящиеся стрелки моих часов слились на 12-ти, я стоял около землянки, любуясь красотой тихой, ясной ночи. Первый раз я встречаю Новый год таким образом. Через несколько секунд после наступления Нового года на моих часах он, видимо, наступил у артиллеристов. Сотни бата-

рей, насколько хватал глаз, поздравили немцев. Стало светло, как днем. Удаляющийся рокот снарядов, багровый свет, озаривший горизонт, и грохот далеких разрывов возвестили, что немцы получили новогодние подарки. Только не знаю, сильно ли они им обрадовались.

12 января 1944 г.

Здравствуй, дорогая Шура! Привет с фронта. Получил сегодня твое письмо, да еще с фотокарточкой. Как я был рад! Ведь я так жду твоих писем и считаю дни их прихода. Шурочка, ты просишь больше писать о своей жизни. Что я могу написать? Ведь почти все время отдаешь бойцам. Себе остается, да и то неполностью, только очень непродолжительное время суток. Сегодня урвал часа два, случайно попал в кино, смотрел «Два бойца». Картина очень хорошая, но... война надоела и в действительности. Не очень уж интересно смотреть в кино то, что можно увидеть на деле почти каждый день, стоит лишь пройти два-три километра отсюда.

Да и здесь частенько бывает «война». Вот вчера опять попал под обстрел. Очень не удачно — близко разорвался зажигательный снаряд. Обрызгал горящим фосфором. Едва успел сбросить шинель, обожгло левую руку. Последнее не особенно приятно. Теперь я лишен удовольствия играть на гитаре. Да и на лыжах плохо ездить — трудно держать палки. Но это ерунда. Уже давно отошла привычка обращать на такие пустяки внимание. На лыжах теперь катаюсь столько, что уже стало надоедать. Как

встанешь на лыжи часов в восемь, и снимешь их не раньше часов четырех-пяти. До того привыкаешь быть на лыжах, что когда снимаешь, как-то неудобно ходить: все кажется, что очень медленно подвигаешься с каждым шагом. Живу я, как уже писал, в прифронтовом городке, в полуразрушенном доме. Из окна великолепный вид на весь передовой наш край и немецкий. Получается не хуже театра. Как зритель наблюдаешь все подробности действий и той и другой стороны. Единственный недостаток, что иногда «актеры» начинают бросать к зрителям тяжелые «игрушки». Вот, кажется, и все события последних дней. Ну, пожалуй, нужно кончать.

До свидания, Шурочка.

15 января 1944 г.

Мама! Адрес наш не изменится. Если буду жив, то по этому адресу будешь писать до начала лета. Воротничок я получил, большое спасибо.

У меня все по-старому, только чаще попадаю под обстрел. Заляжешь, слышав вой снаряда. Разорвался, прожужжали осколки, и снова идешь как ни в чем не бывало. Это ерунда, ведь были такие времена, да скоро, вероятно, опять настанут, когда даже ложиться не придется. Каждый день на лыжах. Я хорошо тренирован (спасибо тебе!). Между прочим, до сих пор помню, как первый раз в жизни встал на лыжи в Горьком. Помнишь мой первый рейс от угла дома до сарая? Помню ваши (твои и нянины) ободряющие слова: «Толк выйдет».

Пиши побольше новостей, мне все интересно.

19 января 1944 г.

Привет с фронта! Добрый день, дорогая Шура! Сегодня свободный вечер. Могу написать письмо, а то прошлый раз едва выкроил время даже на коротенькую секретку. Последние вечера стали немного посвободнее. На-днях у нас показывали картину «Антон Иванович сердится». Ты, наверное, видела эту музыкальную кинокомедию. Мне она понравилась именно из-за музыки, так как здесь услышать хорошую музыку чрезвычайная редкость.

У нас большинство любят смотреть фильмы из военной жизни. С этой картины, весь смысл которой заключен в музыке, многие ушли, не досмотрев до конца. Но на меня она произвела очень большое впечатление. Чудесные арии из оперетт лучших композиторов, просто замечательно. Особенно здесь, где кругом война. Маленький зал «эрзац кинотеатра» кажется таким островком мирной жизни среди бурного моря войны. Сидишь и, слушая музыку, забываешь, что сейчас война и что как раз сейчас недалеко идет жаркий бой. Вздрагивание стен от разорвавшегося близко снаряда напоминает о действительности, мгновенно возвращает «с неба на землю». В перерывах между частями слышатся залпы орудий, скрип «катюш», треск пулеметов. В эту минуту совсем недалеко отсюда люди идут в бой за счастье, за эту красивую жизнь, которую видишь на экране.

Когда же и нам наконец дадут приказ выступить! Совинформбюро уже сообщило, что было в тот день. Я был довольно далеко в стороне, но в таком месте, откуда все было видно,

как на ладони. С раннего утра вся окрестность засверкала вспышками орудийных выстрелов. Тысячи орудий, минометов, «катюш» обрушили свой огонь на позиции немцев. Одна за другой проносились эскадрильи бомбардировщиков. Черные точки, отделявшиеся от них, падали туда же, в гущу разрывов. Что там творилось, не трудно было себе представить. Дым заволакивал весь горизонт, и сквозь него только и были видны багровые вспышки огня. Я бывал под артподготовкой, но под такой бывать не приходилось. Даже на таком расстоянии, как был я, нельзя было разговаривать. Приходилось кричать на ухо друг другу о своем восхищении «огоньком».

Вот это центральное событие последних дней. Большие предвещает оно перемены в нашей дальнейшей жизни. У нас только и разговоров, почему же мы до сих пор не принимаем никакого участия в боях. Ленинградцы поздравляют с успешными действиями. Москва салютует, но не нам. А чем мы хуже других? Разве мы не могли бы сделать то же, что делают другие? Таково мнение всех бойцов и офицеров. Такие же и мои мысли.

Сейчас любому ясно, что конец войны близок, как никогда, — это начало конца, конца войны, конца всем несчастьям и трудностям, с ней связанным. Конечно, в газетных статьях все описывают гораздо интереснее, но и рассказ очевидца, наверно, немного заинтересует тебя. Кончаю.

До свидания, Шурочка. С горячим приветом

Коля.

21 января 1944 г.

Здравствуй, мама!

Получил от тебя открытку. Ожог у меня почти прошел, только немного поздно: хозяин гитары уехал и увез ее.

У меня перемен пока нет, но, возможно, будут в недалеком будущем. Ты видела салют в Москве? Дня за три до него я видел более величественный салют, который долго будут помнить немцы. К сожалению, я не был участником. Нас не вводили в бой, но оттуда, где я стоял, было все видно, как на блюдце. За войну я многое повидал, но такого еще не видел. Тысячи орудий, минометов, «катюш» обрушили свой огонь на немецкие позиции. А авиация бомбила без перерыва. Что там творилось, можно было легко себе представить по дыму, затянувшему все кругом,—дыму, в котором лишь и были видны багровые волны вспышек от взрывов. Все кругом гудело, гремело, стонала сама земля. Даже на таком расстоянии не было возможности разговаривать. В газетах ты прочтешь все подробнее. Я пишу о своем впечатлении. Обидно одно: что нас оставили в бездействии. Москва опять салютовала не нам. А чем мы хуже? Разве и мы не могли сделать то же, что сделали другие? Но ничего, придет и наш черед.

До свидания. Целую.

23 января 1944 г.

Утром в агаку пойду,

Чуть поднимется свет голубой.

Может, смерть, может, рану найду.

Образ твой будет вместе со мной.

Дорогая Шура! Сейчас, когда я пишу это

письмо, ночь. Последняя ночь! На рассвете идем в бой. И какое счастливое совпадение. В эту последнюю ночь я получил письмо от тебя. Сколько радости доставило оно мне, тем более что в нем была твоя фотокарточка. Ты словно провожала меня. Вглядываюсь в черты милого лица, вспоминается то счастливое для меня время, когда мы могли встречаться каждый день. Наступит ли снова такое время? Конечно! Не напрасно работаете вы там, в тылу, и каждый день следите по карте за успехами наших войск. Не напрасно на рассвете выступаем мы. Может быть, переставляя флажки на Ленинградском фронте, ты не раз вспомнишь, что и я вложил свою долю в общее дело победы. Вернусь ли я живым? По правде говоря, меня этот вопрос мало занимает. Гораздо больше думаешь о том, чтобы невредимым добраться до фрицев. Глупо умереть, не отправив на тот свет хоть несколько фрицев.

Сейчас только что окончил последние приготовления. Проверил свой автомат, проверил всех бойцов. Все готово. Ждем только сигнала. Когда-нибудь потом, если останусь жив, я подробно напишу тебе все переживания и эпизоды этого боя. Отвечу подробнее и на письмо. Я сохраню его, как храню все твои письма. И если мне суждено пройти невредимым сквозь огонь штурма, оно пройдет вместе со мной. Ощущение его в кармане наполняет сердце радостью и еще больше воодушевляет меня. Знаешь ли ты слова фронтовой песенки:

В грудной карман зеленой гимнастерки

Вложил я трижды читанную весть.

И в бой пошел на штурм немецких дзотов,

Неся на сердце и любовь и мсты!
Твое письмо прибавило мне силы,
Оно придало мужества в бою.
Я сквозь огонь фашистов ураганный
Пронес в кармане весточку твою.

Как подходят слова этой песенки! Сейчас я с удовольствием пел ее вместе с бойцами. Хорошо, что ребята у меня хорошие. С такими можно идти, куда угодно. Сегодня настроение у меня самое жизнерадостное. У меня всегда перед боем так, а сегодня в особенности. Ведь сегодня я получил весточку от тебя. И сейчас передо мной лежит она и твой портрет, взгляд на который наполняет меня радостью.

На это письмо не пиши ответа. Возможно, писать уже будет некому. При благополучном исходе дела я тут же напишу тебе еще. Если же не будет от меня писем, значит... Значит, их больше никогда не будет.

Ну, надо кончать. Стрелки часов приближаются к назначенному сроку. Скоро откроют огонь наши батареи, и мы войдем в траншеи на свои места. Не знаю, разберешь ли ты все, что я написал. Пишу, тороплюсь. Да и обстановка не для писем. Знаю, что ты хорошо представляешь себе эти последние часы. Тихо в землянке. Тускло горит лампочка на столике, где я пишу. На нарах, на полу, прислонившись к стенке, спят бойцы. Было приказано отдохнуть перед боем. Снаружи доносится посвистывание пуль и далекая дробь пулеметов. Не верится, что через некоторое время эта мирная тишина нарушится настоящим адом артподготовки. Что я думаю, что вспоминаю в эти минуты, ты понимаешь.

Кончаю. До свидания, милая. Твой *Коля*.

Последняя открытка, без даты.

Мама! Жив, здоров. Вторые сутки и боих. Пишу в лесу перед штурмом станции. Целую крепко. Коля.

**ПИСЬМА К МАТЕРИ Н. ЧЕХОВИЧА
ОТ СТАРШЕЙ МЕДОЕСТРЫ ПОЛЕВОГО
ГОСПИТАЛЯ А. СЕРГЕЕВОЙ**

30 января 1944 г.

Дорогая Елена Семеновна!

Пишет вам сестра из госпиталя, где находится сейчас ваш сын Коля. Сам он не может написать, так как состояние его тяжелое. Он получил серьезное ранение в бедро, коленный сустав и грудную клетку. Я ему не раз предлагала, чтобы он написал вам, но он говорит, что будет писать тогда, когда будет обратный адрес. У нас он временно. Как только будет ему лучше, его отправят в более благоустроенный госпиталь. Свои страдания ваш мальчик переносит героически. Вы можете им гордиться. Не волнуйтесь. Постарайтесь стойко перенести это тяжелое известие. Я сама мать и имею такого же сына, и поэтому для меня особенно понятны материнские страдания и переживания.

На вашего сына я обратила внимание сразу, когда он поступил к нам. Меня поразило его терпеливое отношение к страданию, поразила его выдержка. Когда я его записала в журнал, он мне сказал, что с наслаждением выпил бы чаю. Я ему принесла чашку горячего чаю с молоком. Он пил с таким удовольствием и одновременно

все беспокоился, что отрывает меня от дела, так как пил он медленно. Я ему тут же предложила написать вам письмо. Но он до сих пор еще не может сам писать. И я решила вам сообщить об этом и передать его горячий сыновний привет.

Обещаю вам, что о всех изменениях буду вас ставить в известность.

Еще раз прошу—наберитесь мужества и стойкости и помните слова матери Олега Кошевого: «Советские матери не плачут, а борются с врагом».

Будьте здоровы!

С приветом старшая сестра госпиталя

А. Сергеева.

28 февраля 1944 г.

Сердечный привет, дорогая Елена Семеновна! Извините, что я вам так долго не писала, но за это время мы уже на 5-е место переезжаем.

Да, моя дорогая, должна я вас очень огорчить—Коля, ваш чудный, ласковый сын Коля, умер. Слишком тяжелое ранение было у него и слишком много потерял крови, и, несмотря на все принятые меры, сердце его не выдержало. Ему делалось неоднократное переливание крови, вливание глюкозы со спиртом, камфоры, кофеина, но ничто не могло спасти молодой его жизни. Все он переносил удивительно мужественно и стойко и до последнего момента благодарил нас за все, что мы делали ему.

Умер спокойно, как уснул.

Очень тяжело мне об этом вам писать, но больше ждать нельзя. Вам вышлют на-днях официальные документы, а эти сухие бумаги ранят сердце еще больше.

Простите меня, но больше писать не могу. Слишком мне тяжело вас огорчать этим известием.

Скажу одно, что ваш Коля — герой, и вы гордитесь им! Он честно защищал Родину!

Крепко жму руку. Будьте мужественны.

Уважающая и понимающая вас

А. Сергеева.

ПИСЬМА К МАТЕРИ ОТ ДРУЗЕЙ И ОВЕРТНИКОВ Н. ЧЕХОВИЧА

Глубокоуважаемая Елена Семеновна!

Я служу в одной части с вашим сыном и от имени всех товарищей хочу сказать вам слово утешения в вашей тяжелой утрате. Мы все, офицеры и бойцы, тяжело переживаем гибель Николая Чеховича. Все любили его и уважали за веселый нрав, храбрость, хорошее отношение к товарищам. Он был настоящим боевым другом и отважным офицером.

Он был командиром взвода, и его взвод всегда был примером военной выучки, подтянутости, высокого сознания воинского долга. Молодой командир учил своих бойцов в совершенстве владеть боевой техникой и военным делом. В беседах и занятиях он воспитывал политическую сознательность бойцов, своим личным примером учил точности, аккуратности, стойкости. Он был требователен и справедлив, и бойцы готовы были с ним идти в огонь и в воду.

И вот пришел час решающих боев за освобождение от блокады города Ленина. Лейтенант Чехович получил задание ворваться в деревню П. и выбить из нее немцев. Натиск, смелость и

отвага бойцов части решили исход боя. Немцы были выбиты из деревни.

Два раза противник, пытаясь вернуть утерянные позиции, контратаковал нашу часть, но каждый раз терпел поражение и откатывался обратно.

В этом бою 25/1—44 г. ваш сын, лейтенант Николай Чехович, был тяжело ранен.

За своего командира бойцы взвода жестоко отомстили фашистским извергам. Немало немецких трупов осталось на улицах деревни П.

Ваш сын с честью выполнил боевое задание и отдал свою молодую жизнь за Родину, за освобождение города Ленина.

Мы, его товарищи, благодарим мать, вырастившую такого сына, и, если останемся сами в живых, никогда не забудем нашего боевого друга Николая Чеховича.

Помощник начальника штаба военной части
п/п 77761

Ст. лейтенант *М. Кочин.*

8 марта 1944 г.

Дорогая Елена Семеновна!

Наступил самый несчастный день в моей жизни!

Я ждала, о как я ждала письма, написанного Колиной рукой или... или вашей. Впереди нас ожидала только радостная встреча, о которой мы так с ним мечтали! И что же? Все разбито безвозвратно! Кто же всему этому причиной? Гнусные разбойники, палачи и убийцы, разрушившие счастье всего народа, а также и наше.

Кончились во мне счастливые надежды.

Я сейчас не понимаю себя. Не могу поверить. Совсем недавно мы писали о большой дружбе и... и вдруг все порвалось, все рухнуло. Мне теперь некого ждать с фронта! Мне его не забыть никогда! Он был моим первым, самым лучшим другом, и мы так понимали друг друга!

Сколько любви я отдала Колечке в письмах!

Елена Семеновна, милая, не расстраивайтесь! Тяжело, очень тяжело мне, а каково же вам!

Больше писать не могу. Кончаю, пишите, нам будет легче. Целую вас

Шура.

5 мая 1944 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Семеновна!

Мне хочется сказать вам, что не только на вас одну тяжелым бременем легла эта утрата. Я разделяю вашу скорбь. Конечно, мою печаль нельзя сравнить с горем матери, но все же она настолько велика, что может хоть частично облегчить ваше горе, хотя бы уж потому, что есть человек, который бережет светлые воспоминания о вашем сыне и долго будет еще помнить, его, как лучшего друга, товарища. До последней минуты я не верил в его смерть, и только ужасная подробность относительно его последних дней заставила меня поверить в это.

Коля всегда с любовью и уважением отзывался о вас, и я твердо уверен, что и в последние минуты он думал о вас, и его последняя мысль была такая: «Как тяжело будет маме перенести мою смерть. Но я хочу, чтобы не убивала она себя продолжительным горем, чтобы настало время, когда она снова смогла трудиться

и сделала то, чего не смог сделать я. В каждом ее деянии будет жить часть меня. И чем больше она сделает, тем дольше я буду еще жить».

Я, конечно, неопытен, но мне эти советы диктует любовь. Любовь — великая сила, которая может заменить не только опыт, но и многое другое — ум и силу. Слабому она придает силу, труса делает героем, глупца заставляет делать умные вещи. Есть много людей, которые нуждаются в любви, в ласковом слове, и на любом поприще деятельности можно дать это людям.

Перенесите свою любовь на людей, и тогда Коля будет жить не в одном вашем и моем сердце, но будет он жить среди многих людей, живой и любящий.

Пришлите мне выписки из его писем. Он умел хорошо излагать свои чувства и переживания. У меня есть, кроме присланной вами, еще одна его фотография, подписанная его собственной рукой (25/10—43 г.), которая мне гораздо милее, так как на ней он выглядит еще мальчиком, таким, каким я его знал во время нашей дружбы. Когда я смотрю на нее, то снова слышу его детский ломающийся голос. Вспоминаю, как-то 2 мая мы поздно вечером катались на наших лодках по Останкинскому пруду, наслаждались теплотой ночи, молчали, и каждый думал про себя: «Как прекрасна жизнь!»

Остаюсь его (а теперь, если позволите, и вашим) лучшим другом.

Юра Азаров.

Здравствуйте, мамаша моего друга!

О смерти Коли я узнал от моей мамы. Я был потрясен. Как обидно то, что мы ведь вырвались

в свое время из окружения в 1941 году, но больше не виделся, и я ничего о нем не знал. Мне его очень и очень жаль, если вспомнить, сколько мы с ним пережили, как мокли, как вместе ездили в разведку. Как, получив посылки, делили на всех троих. Третий был Коган; о нем я ничего не знаю. Когда я прибыл из госпиталя, они уже позаботились о шалаше для меня. Помню, когда я или Коля оставались в роте, а другой уезжал, то уехавший обязательно привозил меду или сметаны. Он мне все время отдавал свою махорку: ведь он не курил. Очень дружно жили, были настоящими товарищами, хотя я у них был командиром отделения. Вообще можно многое вспомнить, что при встрече мы и сделаем. Сейчас учусь и через 2—3 месяца уйду на фронт офицером. Очень рад с вами переписываться, вспоминать дорогого друга и былое.

В. Смирнов.

Уважаемая Елена Семеновна!

Вчера я получил ваше письмо с фотокарточкой Коли. Долго смотрел на нее и под конец чуть не расплакался: так обидно стало, что еще один мой товарищ погиб. Я не хочу вас утешать, я знаю, что горе ваше не из таких. Первое сообщение о том, что Коля погиб, я получил в начале мая от отца. Через два дня начался штурм Севастопольского плацдарма. Первые снаряды послал за Колю и еще за двух товарищей, которые погибли неделю перед тем. За день выпустили только из пушки 370 снарядов. Я хотя был оглушен, но остался доволен. С Сапун-горы ни один немец живым не ушел. В этом и моя доля работы.

Сейчас, находясь на Севере, не так уж далеко, где сражался Коля, буду еще и еще мстить за Колю и за тысячи других молодых жизней.

Всего хорошего.

Юрий Соколов.

2 января 1945 г.

Привет из Ленинграда, дорогая, милая Елена Семеновна!

Вот и пришел Новый год. Год полной победы, год счастья и встреч! Горько подумать, что все это не для меня. Все рухнуло безвозвратно. На другой день после получения от вас телеграммы побежала в красный уголок. Подбегаю к газетам, сердце бьется. И вот вижу то, что так долго искала, ждала, чем так дорожила. В полный рост передо мной встал Колюша. Читаю, перечитываю фразы о Колечкиной жизни, о его любви к отчизне, к вам и к любимой девушке. Читаю, а слезы так и капают на его портрет. Подошли ко мне секретарь комсомола, подруги. Вместе мы прочитали еще раз. Долго говорили о его героизме, его взглядах на все окружающее, нашли в нем настоящего, нет больше — самого лучшего героя, а мне друга. Взволнованная, я вышла. Продолжения в газете еще не последовало, вышла какая-то задержка. 10/1—45 г., не помню как, я подошла к газетам. Вижу от 28 декабря «Жизнь офицера» — продолжение. Читала быстро, охваченная волнением, потом еще, и еще, и еще раз, все медленнее и медленнее. Какой он был, Колюша! О таком я мечтала, еще не зная его. Как жаль, что так недолго мы знали друг друга! Горько обидела меня судьба. Мне не забыть того котлована, который мы бронировали

под руководством Коли, где мы с ним познакомились. Нас перебросили на другой участок, и мы расстались. Последний вечер мы больше молчали. Очень трудно было говорить. Куда мы ни переезжали, как ни менялись адресами, друг друга не забывали. Ждали окончания войны и встречи.

Сейчас я пришла с комсомольского воскресника. Окончив задание, я читала девушкам о Колюше, но дочитать не могла,

Я стараюсь давать больше продукции фронту (электроприборов для авиации), чтобы нанести от меня удар проклятым немцам, отомстить за дорогого Колечку. Напишите, состоялась ли у вас в день памяти Коли читка его писем? Пусть все комсомольцы учатся у таких патриотов, каким был Колюша.

Целую. Любящая вас Шура.

15 января 1945 г.

Дорогая Елена Семеновна!

Колины письма в «Комсомольской правде» произвели на всех наших ребят глубокое впечатление своей трогательной простотой и безыскусственностью. Когда я пришел в агитпункт, чтобы посмотреть газеты, то сначала один мой товарищ, затем другой мне сказали: «Сегодня в газете помещена статья, рассказывающая о герое, даже не подозреваемом, что он герой. Обязательно прочти».

Я с жадностью набросился на газету—и что же я вижу? Письма Коли. Он снова встал передо мной таким, каким я знал его. Высокоморальный человек с твердыми убеждениями, ко-

горых не могли изменить никакие лишения и страдания. Теперь я понял, почему мне так тяжело эта потеря.

Ваш *Юра Азаров.*

Январь 1945 г.

По поручению группы сержантов-танкистов пишет водитель танка Леонид Корзин, п/п 31122.

Дорогая Елена Семеновна!

Мы сегодня прочли в «Комсомольской правде» о жизни вашего сына Коли. Как хорошо, как честно и славно он жил! Его жизнь—идеал для всего молодого поколения нашей Родины. Он патриот нашей Родины! Он всегда видел пламя грядущей победы! Кровь Коли и многих наших товарищей не пропала даром: недалек день, когда мы сбросим в яму этих выродков человечества — немецких фашистов. Дорогая Е. С., мы сейчас находимся на исходных рубежах к тем решающим боям, в результате которых наша страна снова обретет мир и спокойствие. Мы свято выполним свой долг. Вы мать, и вам сейчас очень тяжело. Как хочется утешить вас! Как хочется сказать вам много теплых и ласковых слов!

Леонид Корзин.

Январь 1945 г.

Здравствуйте, дорогая Елена Семеновна!

29 декабря читала о Коле в «Комсомольской правде» «Жизнь офицера». Читала его хорошие, теплые письма к вам, дорогая Елена Семеновна. Грустно было сознавать, что его нет среди живых, что о нем осталось только воспоминание.

12/12 ходила на Колину могилу. Ее занесло

снегом. Немного обмела, поправила. Прикрепила венок, который мне очень понравился. Осенние листья — отжившие листья, и мне грустно было класть их на могилу того, кто не жил, а кипел, кто был полон энергии, ласки, веселья. Как жаль мне, что я не могу ничего сделать для вас утешительного. Колюшина смерть мне еще все время напоминает смерть другого, мне близкого человека. Ведь 27-го исполнится год с того момента, как мой друг вздохнул в последний раз, когда он в последний раз посмотрел на мир, когда он в последний раз подумал обо мне. Будем счастливы тем, что наша доблестная Красная Армия бьет проклятых немцев. Жаль, что Коля и мой друг не являются свидетелями этих замечательных побед. Но они вложили свою долю в эти победы; они и сейчас живы в сердцах близких им. Они останутся вечными светлыми образами мужества, храбрости, честности, геройства. На их подвигах воспитываются и будут воспитываться целые поколения людей.

Много горя нанесли изверги нашей многострадальной матушке России. Много пролито слез за время войны. Но наш дух силен. Россия становится еще сильнее, когда ее постигает горе. Она борется и побеждает. Осталось совсем немного до того момента, когда знамя победы будет водружено над Берлином.

Жму вашу руку. С приветом *Тася*.
Секретарь Павловского РК ВЛКСМ.

Отв. редактор *М. Б. Черненко*
Техредактор *М. Тирюшин*

Подписано к печати 2/X 1945 г.
А23402 Печ. л. 3¹/₄ Уч.-изд. л. 4,3.
Формат 70×92¹/₃₂ Тираж 30.000
Печ. зн. в п. л. 43 000. Заказ № 1999.
Цена 2 руб.

Типография «Красное знамя»
изд-ва ЦКВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, Суцевская, 21.

Цена 2 руб.